

18+

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА ДЛЯ ДУШИ

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова

Золотая клетка для души

«Издательские решения»

Кирова М.

Золотая клетка для души / М. Кирова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-702137-1

Плакальщица Лиора слышит мёртвых. Когда её сестру похищает Солнечный колокол, превращая душу в топливо для ложных чудес, Лиора заключает сделку с самим Королём Мертвых. Его цена? Голос. Её опасность — любовь к тому, кто веками отпускал других и не умеет держать. Чтобы вернуть сестру, придётся спеть новую песнь: не против смерти и не за жизнь, а против права владеть чужим концом. Тёмное фэнтези о памяти, боли и любви, которая не становится клеткой.

ISBN 978-5-00-702137-1

© Кирова М.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕСНЬ И КОЛОКОЛ	6
Глава 1. Последняя певица	6
Глава 2. Голос для бедных	9
Глава 3. Соль, хлеб и ветер	11
Глава 4. Белые плащи	14
Глава 5. Накануне Сбора	17
Глава 6. Солнечный Сбор	19
Глава 7. Дом без голоса	21
Глава 8. Под камнями	23
Глава 9. Король под землей	24
Глава 10. Цена просьбы	26
Глава 11. Поцелуй-контракт	28
Глава 12. Нокт	30
Глава 13. Град Последних Имен	32
Глава 14. Слуги Нокта	34
Глава 15. Берег Эха	36
Глава 16. Девять тронов	38
Глава 17. Сады Несбывшегося	40
Глава 18. Те, кто не успели проститься	41
Глава 19. Ночь в черном дворце	43
Глава 20. Река Безымянных	45
Глава 21. Двор мертвых	47
Глава 22. Дом Утонувших Клятв	48
Глава 23. Лабиринт вины	49
Глава 24. Пустота Тишины	51
Глава 25. Сердечный архив	53
Глава 26. Сон Миры	55
Глава 27. Добровольный поцелуй	57
Глава 28. Граница Пепла	58
Глава 29. Город Солнца	60
Глава 30. Рынок светлых масок	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Золотая клетка для души

Маргарита Кирова

© Маргарита Кирова, 2026

ISBN 978-5-0070-2137-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕСНЬ И КОЛОКОЛ

Глава 1. Последняя певица

Астарейя пришла на поле после третьего сражения, когда живые уже устали считать своих мертвых.

Трава там не росла. Ее втоптали в грязь, сожгли, залили кровью и чем-то серебряным, что вытекало из разбитых солнечных машин. Вечер стоял липкий, сизый. Туман цеплялся за сапоги и прятал лица так старательно, будто сам стыдился того, что осталось после людей.

Астарейя шла между телами и повторяла имя брата.

Сначала вслух. Потом шепотом. Потом уже без звука, одними губами. Так легче было не сорваться.

Она не была воительницей. Не носила брони, не умела красиво умирать с клинком в руке. Она была певицей из рода женщин, которых звали к порогу, когда обычных молитв становилось мало. В городах их терпели. На похоронах уважали. В храмах боялись.

Брата она не нашла.

Зато нашла сотни мертвых, которые почему-то не уходили.

Они лежали тихо, но вокруг них дрожал воздух. Астарейя слышала этот дрожащий, застрявший звук так ясно, будто кто-то держал под водой целый хор и не давал ему сделать последний вдох.

— Кто это сделал? — спросила она.

Вопрос был не к солдатам. Живые вокруг давно разбежались. Ответил мужчина в черном, стоявший у самой кромки тумана.

Он выглядел не как победитель и не как палач. Просто стоял среди мертвых так спокойно, будто это поле было его залом, а туман — дверью, которую он мог закрыть одним движением. Ни короны, ни золота, ни свиты. Только темная одежда, бледное лицо и глаза, от которых у Астарейи сразу похолодели пальцы.

— Живые, — сказал он.

Голос у него был негромкий. И от этого еще хуже.

— Ты лжешь.

— Пока нет.

Астарейя ненавидела его уже за эту короткую фразу. За спокойствие. За то, что он стоял рядом с братом, которого она не могла найти, и не выглядел виноватым.

Она ударила его песней.

Не полной силой — иначе треснула бы земля. Но достаточно, чтобы ближайшие мертвецы вздрогнули, а туман разошелся кругами. Мужчина даже не отступил. Только посмотрел внимательнее.

— Если хочешь проклясть меня, делай это точнее, — сказал он. — Я не крал твоего брата.

— Откуда ты знаешь, кого я ищу?

— Потому что ты зовешь его уже час. Он ушел. Полностью. Тебе повезло.

Астарейя едва не рассмеялась. Повезло. Конечно. Брат мертв, поле набито чужими телами, а какой-то холодный красавец из тумана говорит ей о везении.

— Кто ты?

— Каэль.

— Просто Каэль?

— Для начала хватит.

Она поняла первой, раньше имени и страшилок. Туман обходил его стороной. Мертвые возле него затихали. Земля под его сапогами не скользила от крови.

— Король Мертвых, — выдохнула Астарейя.

— Иногда меня называют и так.

Это должно было испугать. Вместо страха пришла злость. Удобная, горячая, почти живая.

— Тогда заberi их. Почему они здесь?

Каэль повернулся к дальнему холму. Там под обломками башни что-то тускло светилось. Звук шел оттуда — тонкий, жалкий, упрямый.

— Потому что люди решили, что смерть можно поставить на цепь. Они привязали уходящие души к звуку. Не вернули их к жизни. Нет. Это было бы хотя бы честно. Они оставили куски памяти, страха и воли в металле, чтобы питать оружие и продлевать чужую власть.

Астарейя посмотрела на холм. На обломки. На тела.

— Колокол?

— Первая форма. Очень грубая. Очень жадная.

Она почувствовала, как ярость меняет направление. Еще минуту назад ей хотелось ударить его снова. Теперь хотелось идти к башне и петь, пока у людей внутри не лопнут уши.

— Поможешь? — спросил Каэль.

— Ты просишь меня?

— Да.

Это сбило ее сильнее угроз. Король Мертвых не приказывал. Не хватал за горло. Просто стоял среди чужого ужаса и просил.

— Почему сам не справишься?

— Я могу забрать тех, кто дошел до меня. Этих удерживают живые. Нужен голос с обеих сторон порога.

Астарейя хотела отказать. Из упрямства. Из горя. Из желания не становиться частью чужой войны.

Потом где-то под холмом заплакал ребенок. Ни живой, ни мертвый. Застывший.

— Веди, — сказала она.

Так начался их союз. Некрасиво. Без пророчеств и клятв. Две упрямые силы пошли в одну сторону, потому что поодиночке было нельзя.

Потом были города с выжженными площадями. Подвалы, где в медных кольцах висели детские испуги. Жрецы, называвшие пытку милосердием. Башни, где богатые старики покупали себе лишние месяцы за чужую последнюю боль.

Астарейя училась видеть, что Каэль не холодный. Он просто слишком давно не позволял себе дрожать. Каэль, в свою очередь, переставал смотреть на нее как на смертную, которая бросается в огонь раньше, чем спросит, есть ли дверь.

Они спорили постоянно.

— Ты не можешь спасти всех, — говорил он.

— А ты слишком легко произносишь «всех», когда речь о ком-то одном.

— Закон нужен, чтобы мир не развалился.

— Закон, который не слышит плача, сам давно мертв.

После таких разговоров он обычно замолкал. Астарейя делала вид, что победила. На самом деле оба понимали: правды хватает им двоим, и обе правды ранят.

Любовь случилась не сразу. Не на поле, не у костра, не в первом поцелуе. Она пришла под городом Ирам, когда они вскрыли колокольный зал и услышали, как в темноте звенят детские души.

Астарейя тогда опустилась на колени. Петь пришлось сквозь слезы, злость и тошноту. Каэль стоял рядом. Не утешал. Не отворачивался. Просто был там, где любой другой сделал бы вид, что не видит.

Когда последний узел лопнул, она спросила:

— Как ты выдерживаешь это веками?

Он ответил не сразу.

— Я не выдерживаю. Просто не имею права отвернуться первым.

Тогда она поцеловала его сама.

Позже Астарейя будет думать: может, все было решено именно в ту секунду. Не потому, что она влюбилась. А потому, что поняла — этот мужчина, которого весь мир боялся, каждый день делает то, от чего живые прячут глаза.

Счастья им досталось мало. Зато выбора — слишком много.

Первый Колокол рос. Люди кормили его новыми душами и называли это светом. Чтобы закрыть его сердце, нужен был голос крови — песня не против смерти и не против жизни, а против удержания. Такой голос был только у Астареи.

И завершить песнь мог только тот, кто любил ее сильнее всех. Он должен был не удержать ее на пороге.

Каэль отказался.

Сначала как мужчина.

Потом как король.

Потом просто как тот, кто не хотел снова оставаться один.

— Если ты удержишь меня ради нас, — сказала Астарейя, — ты сделаешь со мной то же, что они делают с тысячами других. Не называй это любовью.

Это было жестоко. И честно. Она всегда умела бить точно.

Когда Великая Песнь поднялась над Колоколом, на поверхности увидели затмение среди дня. Под землей трескалась бронза, освобожденные души рвались наружу, а Каэль стоял перед женщиной, которую мог потерять лишь правильно — не удержав.

В последней ноте Астарейя посмотрела на него без просьбы. Живи, говорил ее взгляд. Не смей превращать меня в оправдание.

Он не удержал.

После нее не осталось тела. Только тишина. И мир, который еще мог дышать.

С тех пор Каэль боялся не войн. Он боялся повторений. Переживал империи, пророков, храмы, новые названия старой жадности. Убеждал себя, что если однажды услышит похожий голос, пройдет мимо раньше, чем надежда успеет поднять голову.

Но спустя века под камнями Вейра зазвучит нота той же крови.

И Король Мертвых поймет: мимо он уже не пройдет.

Глава 2. Голос для бедных

Лиора любила хоронить бедных.

Да, звучало это ужасно. Если бы Мира услышала такую фразу, сразу закатила бы глаза и сказала, что у старшей сестры совсем испортился характер. Но Лиора знала, что думает.

Богатые плакали аккуратно. Платки держали у глаз так, чтобы не смазать лицо. Говорили о светлом пути, о благом порядке, о том, что душа «поднялась». Будто смерть была лестницей в приличном доме.

Бедные умирали иначе. И провожали иначе. Ругались. Падали в грязь. Хватались за крышку гроба. Обещали мертвому то простить, то никогда не простить. Некрасиво, зато честно.

Сегодня хоронили Ивера Сольма, грузчика с нижних доков. От него остались вдова, двое детей, старая куртка и долги, о которых на кладбище старались не говорить.

Ветер нес с моря соль и мокрый холод. Свечи чадили. Священник Солнца читал о чистом подъеме души таким голосом, будто мечтал поскорее оказаться дома за миской горячего супа.

Лиора стояла у изголовья гроба и ждала своей очереди.

На третьей минуте Ивер Сольм заговорил.

— Скажи мальчишке, — прошептал он. — Деньги под третьей половицей. Не жене. Мальчишке. У нее брат все заберет.

Лиора не шелохнулась.

Мертвые не должны были говорить с ней так часто. Рена повторяла это с тех пор, как Лиора впервые услышала голос из закрытого гроба и чуть не ответила при всем кладбище.

«Молчи, если не хочешь костра», — говорила Рена.

Совет хороший. Жаль, жизнь редко дает возможность пользоваться хорошими советами.

— Под третьей, — снова прошептал Ивер. — Скажи. Они зиму не переживут.

Лиора вдохнула.

Священник наконец замолчал. Все повернулись к ней.

Она запела.

Песня вышла низкой, соленой, чуть хриплой от ветра. Это была не храмовая красота. Ничего золотого, ничего гладкого. Такой песней не обещают рай. Такой песней помогают душе отпустить край простыни и перестать цепляться за мир ногтями.

Вдова перестала всхлипывать. Младший сын поднял мокрое лицо. Даже чайки, кажется, притихли, хотя Лиора не стала бы клясться: чайкам веры нет.

На третьем обороте припева она вплела слова почти беззвучно:

— Третья половица.

Для чужих это осталось частью мелодии. Для вдовы — нет.

Женщина вздрогнула, посмотрела на гроб и закрыла рот ладонью. Уже не театрально. Не от злости. От понимания.

Медяки на глазах Ивера едва дрогнули.

Спасибо, значит.

У мертвых благодарность всегда была легкой. У живых — тяжелой и неудобной.

После обряда люди потянулись вниз по кладбищенским ступеням. Кто-то обнимал вдову. Кто-то шепотом считал, сколько она теперь протянет без мужа. Вейр умел жалеть и подсчитывать одновременно.

У ворот ждала Мира.

Она стояла в светлом платке, тонкая, прямая, слишком живая для кладбища. Рядом с ней мокрый день казался не таким серым. Лиора всегда злилась на это ее свойство. Очень удобно светиться, когда не слышишь, как мертвые просят передать живым последнюю мелочь.

— Ты опять говорила с ним, — сказала Мира вместо приветствия.

— Ты опять подслушивала на похоронах.

— Я стояла за воротами. Почти прилично.

Лиора хотела улыбнуться. Не вышло.

Последние недели город изменился. Не громко. Не так, чтобы все сразу схватили детей и побежали к северной дороге. Хуже. На улицах стало больше белых плащей. Служители задерживались у домов бедняков, спрашивали возраст дочерей, разглядывали мальчиков, делали пометки в табличках.

Мира считала, что Лиора накручивает себя.

Лиора знала: страх всегда первым приходит на похороны. Просто живые замечают его позже.

— Нам надо уйти из Вейра, — сказала она. — До Солнечного Сбора.

Мира моргнула. Потом вздохнула так выразительно, будто старшая сестра предложила ей выйти замуж за козла.

— И куда? На север, где у нас нет ни крыши, ни денег? Или в горы? Ты будешь петь козам, а я — печь им хлеб?

— Я серьезно.

— Я тоже. У нас нет денег, Лио.

Вот это было самое противное. Мира не спорила с опасностью. Она просто называла препятствие, которое невозможно было обойти.

Бедные редко гибнут потому, что не видят беды. Чаще потому, что не могут позволить себе уйти.

С верхнего храма ударил колокол.

Лиора не верила в приметы. Приметы — роскошь для тех, у кого есть время их разбирать. Но этот звук прошел по позвоночнику так, будто кто-то проверил ее кости на прочность.

— Если белые плащи придут к нам, — сказала она тихо, — ты не споришь. Не улыбаешься. Не смотришь им в глаза. Идешь за мной.

— Опять команды?

— Мира.

Сестра уже открыла рот для шутки, но закрыла. Посмотрела внимательнее.

— Ладно. За тобой так за тобой.

Это должно было успокоить.

Не успокоило.

Когда они спускались к нижним улицам, Лиора заметила у кладбищенской стены служителя в белом. Он не молился. Не смотрел на могилы. Просто записывал имена тех, кто уходил после похорон.

И напротив фамилии Арден поставил маленькую солнечную метку.

Глава 3. Соль, хлеб и ветер

За четыре дня до того, как белые плащи постучали в их дверь, Вейр выглядел почти нормальным.

Это и было самым обидным.

На нижнем рынке пахло рыбой, мокрыми досками и яблоками с темными пятнами. Торговцы ругались из-за сдачи. Дети катали деревянные обручи по лужам. Старуха Мара у лавки снова обещала умереть до зимы, и все кивали так, будто слышали это впервые, хотя Мара обещала умереть каждую осень и всякий раз передумывала.

Мира ждала Лиору у булочной Нейма. На щеке у нее была мука, волосы пахли дрожжами, а под мышкой она держала теплую буханку, которую, судя по виноватому виду, стащила не совсем законно.

— Нейм опять недоплатил? — спросила Лиора.

— Нейм считает, что улыбка пекаря входит в оплату.

— Его улыбкой крышу не починишь.

— Зато можно напугать мышей.

Лиора фыркнула. С Мирой трудно было долго оставаться мрачной. Она делала жизнь не легче — нет. Просто рядом с ней становилось ясно, зачем вообще терпеть очередной день.

Они пошли к морю. Не потому, что могли позволить себе прогулки. Просто у Миры выдался час между сменами, а Лиора после кладбища пахла свечным салом и чужими слезами. Иногда человеку нужно хотя бы немного ветра, чтобы не начать ненавидеть собственную кожу.

На молу Мира уселась на канатную бухту и стала отламывать хлеб чайкам.

— Эй, это нам на ужин.

— Чайки тоже люди.

— Нет. Чайки — это разбойники с крыльями.

— Тогда тем более надо их задобрить.

Мира рассмеялась. Ветер подхватил ее смех и унес к серой воде. Лиора поймала себя на том, что смотрит на сестру слишком внимательно, будто пытается запомнить: вот она, живая, с мукой на щеке, в старом платье, с упрямым светом в глазах.

Ненавидела она такие мысли.

— Когда-нибудь я уеду отсюда, — сказала Мира, бросая крошку особенно наглой чайке. — Но не потому, что бегу. А потому, что могу. Вернусь богатой и куплю тебе день без похорон.

— Один день? Щедро.

— Два, если будешь хорошо себя вести.

Лиора хотела ответить колкостью, но не стала. У бедных даже мечты часто ходят с опущенной головой. Мира умела мечтать дерзко. Это было опасно. И прекрасно.

По дороге обратно они купили на верхней улице красный платок. Слишком яркий для их квартала. Слишком заметный для бедной улицы. Именно поэтому Мира вцепилась в него глазами и уже не отпустила.

— Тебя в нем с другого берега видно будет.

— Вот и хорошо. Пусть знают, что я существую.

Лиора хотела сказать, что некоторым людям лучше быть незаметными. Не успела.

Старуха-продавщица взяла монеты, наклонилась ближе и прошептала:

— Солнечные люди снова считают девушек по кварталам. Береги эту. Светлая она слишком.

Мира услышала только конец и возмутилась:

— Я не «эта».

— Сегодня все «эти», — отрезала старуха и захлопнула ящик с платками.

Вечером белые плащи действительно появились на нижних улицах. Они не кричали, не стучали в двери, не хватали людей. Просто шли медленно, отмечали дома взглядом и иногда делали записи. От этого было хуже. Открытая угроза хотя бы честна. Вежливая угроза заставляет тебя самому решать, когда начинать бояться.

Мира сказала:

— Может, просто перепись.

— Конечно. Перепись тех, кого потом удобно забрать.

— Лио...

— Что?

— Ты иногда такая веселая, что рядом хочется утопиться.

— Не шути так. У меня завтра две похоронные песни у рыбаков.

Мира скривилась, но улыбнулась.

Ночью они штопали занавеску. Лампа чадила. За стеной сосед ругал кашель. На крыше шуршал дождь.

— Ты когда-нибудь хотела не слышать их? — спросила Мира.

Лиора сразу поняла, о ком речь.

Мертвые.

Можно было ответить красиво. Про дар. Про долг. Про древнюю кровь. Рена так бы и сделала. Или наоборот, велела бы молчать.

Лиора устала молчать.

— Хотела. Особенно когда они просят то, чего я не могу дать.

— А потом?

— Потом думаю, что хуже было бы, если бы их вообще никто не слышал.

Мира кивнула. Игла блеснула в ее пальцах.

— Значит, если что, и меня услышишь.

Она сказала это легко. Почти шутя.

Лиора подняла голову слишком резко.

— Не говори так.

— Да я просто...

— Не говори.

Мира замолчала. Потом осторожно коснулась ее руки.

— Ладно. Не буду.

На следующий день они поднялись на холм за кладбищем. Там росла жесткая морская трава, а город снизу казался маленьким и удобным для чужой ладони. Мира принесла старую книжицу песен матери. Страницы распухли от сырости, половина строк расплылась, но несколько мелодий уцелели.

Они пели вполголоса. Сначала вместе, потом по очереди.

У Миры голос был светлее. Выше. В нем было то, что храмовые люди называли бы чистой, а Лиора — бедой. Такой голос хотелось слушать. Такой голос хотелось забрать себе.

— Когда-нибудь, — сказала Мира, закрывая книжицу, — я открою пекарню и Дом Проводов в одном дворе. Хлеб для живых, песни для мертвых. Все честно.

— Мир не любит честность.

— Тогда украдем немного честности себе.

Лиора рассмеялась. По-настоящему. В первый раз за много дней.

Когда они вернулись домой, на крыше напротив сидела Рена и курила свои горькие травы. Старуха спустилась медленно, посмотрела на Миру, потом на красный платок.

— Сними завтра.

— Почему? Он мне не идет?

— Слишком идет.

Мира обиделась. Лиора — нет.

Она видела лицо Рены. Так смотрят люди, которые узнают беду по мелочам: яркой ткани, слишком ясному смеху, внезапно притихшим чайкам.

Перед сном Мира легла головой к стене, Лиора — ближе к окну. Так было с детства. Одна будто берегла дом изнутри, другая — снаружи.

— Если мне когда-нибудь придется выбирать между красивой жизнью и жизнью с тобой, — сказала Мира в темноту, — я выберу вторую. И даже ныть не буду.

— Не говори так, будто кто-то уже ставит нас к стене.

— Ты сама всех постоянно ставишь к стене в голове.

— Спи.

Мира тихо засмеялась и вскоре уснула.

А Лиора лежала с открытыми глазами и слушала дождь. Ей казалось, что мир действительно только этим и занят: расставляет людей по местам, считает их цену и однажды приходит за теми, кто любит слишком открыто.

Глава 4. Белые плащи

Когда в дверь постучали, Мира как раз резала черствый хлеб.

Стук был не соседский. Соседи стучали локтем, кулаком, иногда ногой, если руки заняты ведром или чужим ребенком. Этот стук был ровный. Вежливый. Уверенный.

Лиора встала первой.

— Не открывай, — сказала Мира.

Поздно. Они обе уже знали, кто там.

Дом Арденов стоял на узкой улице у канатчиков, между бондарной мастерской и лавкой, где рыбу сушили под потолком. Стекла вечно были мутными от соли. Пол скрипел в трех местах. Печь дымила, когда ветер дул с моря. Лиора любила этот дом не за уют. За упрямство. Он держался, как держались они.

За порогом стояли двое служителей в белом и женщина-писарь с ларцем табличек. Чистые лица. Чистые рукава. Чистые руки. Люди, которые никогда не смывают с пола чужую кровь, но легко решают, кому ее проливать.

— По повелению солнечной канцелярии проводится сверка домовых списков, — сказал старший. — Назовите имена проживающих.

— Вы и без меня их знаете, раз пришли с табличками.

— Назовите.

Мира тихо выдохнула за спиной. Лиора назвала.

— Лиора Арден, плакальщица, — повторил служитель. — Мира Арден, помощница в пекарне Нейма. Возраст. Род занятий. Мужей нет. Детей нет. Наследства нет.

Каждое «нет» звучало как галочка рядом с будущей бедой.

Писарь раскрыла табличку шире, и Лиора увидела под свежей строкой старую. Полустертую, но понятную: имя матери, пометка о голосе и солнечный знак напротив рода Арденов.

Значит, они знали давно.

Не пришли случайно. Не ошиблись дверью. Не просто перепись.

— Мира Арден, подойдите к свету, — сказал старший.

— Зачем? — спросила Лиора.

— Сверка.

— Глаза тоже в списке?

Второй служитель положил ладонь на жезл. Не вынул. Просто напомнил, что может.

Мира подошла сама. Медленно, с тем ленивым достоинством, от которого Лиоре всегда хотелось схватить ее и спрятать. Сестра умела выглядеть так, будто это она делает одолжение миру. Красивое качество. И очень опасное.

Служитель поднял ее подбородок двумя пальцами.

Лиора сделала шаг.

— Не надо, — тихо сказала Мира, не глядя на нее.

Писарь отметила что-то на табличке.

— Чистый взгляд. Низкая телесная скверна. Возможен сильный отклик на солнечное присутствие.

— Переведите, — сказала Лиора.

Старший посмотрел на нее впервые по-настоящему. С интересом. Будто заметил не человека, а нож на столе.

— Ваша сестра может быть приглашена к общему благословению во время Солнечного Сбора, если храмовый совет сочтет это нужным. Для добропорядочной семьи это честь.

— Мы не просили чести.

— Бедность, полагаю, тоже не просили. Однако живете.

Мира дернулась. Лиора успела поймать ее за рукав.
Нет. Не сейчас.

Служители оставили на столе запечатанный знак вызова и ушли так же аккуратно, как вошли. В комнате после них стало тесно, хотя людей убавилось. Воздух испортился — как после открытого гроба.

Мира сломала печать первой.

— Центральная площадь. Третий звон. Всем гражданам низового квартала прибыть для благословения и переписи дара. Видишь? Переписи. Не казни.

— Они не пишут «казнь» на приглашениях.

— Лио.

— Что?

— Я боюсь, когда ты так говоришь.

Лиора посмотрела на нее. Вот теперь Мира испугалась. Не во время осмотра. Не под пальцами служителя. А сейчас, когда в доме остались только они и бумага с солнечной печатью.

— Я тоже, — сказала Лиора.

Вечером она поднялась к Рене, старой плакальщице, жившей над Домом Проводов. Та почти ослепла, зато слышала шаги лучше зрячих. Лиора еще не вошла, а Рена уже сказала:

— Белые плащи были у вас.

— Были.

— И ты пришла не за советом. Ты пришла за разрешением сделать глупость.

Лиора опустила на табурет у печи.

— Если они тронут Миру, я спою не ту песнь.

Рена долго молчала. В соседней комнате вода успела закипеть и стихнуть.

— Знаешь, почему Истинную Песнь запретили всем, а не только бедным дурочкам с горячей кровью?

— Потому что ею можно вернуть мертвого.

— Нет. Потому что ею можно не дать мертвому уйти.

Лиора сжала пальцы.

— Какая разница, если человек вернется?

— Огромная. Возвращение бывает милостью. Удержание всегда клетка. Мир сходит с ума не от смерти, девочка. Мир сходит с ума, когда живые решают, что имеют право не отпускать.

Лиора услышала слова. Поняла их. И все равно видела перед собой только Миру в белом квадрате дверного света.

Рена вздохнула и сунула ей в ладонь серебряную иглу.

— Возьми. Если услышишь под землей не шепот, а зов по имени, уколись до крови. Боль возвращает мысли на место.

— Думаешь, это уже началось?

— Я думаю, Вейр слишком долго притворялся спокойным.

— Это не ответ.

— Зато честнее, чем утешение.

Лиора спрятала иглу.

Когда она вернулась домой, Мира спала у стены, свернувшись на боку. Красный платок лежал на спинке стула, яркий даже в полумраке.

Лиора села рядом и долго смотрела, как сестра дышит.

Завтра они могли еще быть вместе.

Послезавтра — тоже.

А потом наступит Солнечный Сбор.

И все слова вроде «может быть» и «обойдется» станут такой же дешевой ложью, как храмовые ленты на бедных улицах.

Глава 5. Накануне Сбора

Следующие два дня город натягивал на себя праздничную кожу. На фасадах растягивали золотые полотнища, булочники лепили на корки хлебов лучистые знаки, на верхнем рынке продавали дешевые зеркальца в форме солнца, как будто отражение могло защитить от беды. Лиора смотрела на это с тем же чувством, с каким смотрят на красивый саван: ткань дорогая, шов ровный, а под ней все равно лежит мертвец.

Она пыталась уговорить Миру уехать ночью. Предлагала продать материнский гребень, занять у Нейма, уйти пешком к северной переправе, затеряться в караванах. Мира каждый раз соглашалась ровно до того мгновения, когда нужно было собирать вещи. Потом находила причину остаться: то у пекаря заказ на три дня вперед, то у соседской старухи жар, то дождь слишком сильный для дороги. Лиора понимала истинную причину и злилась на нее еще больше, потому что сама была бы такой же. Бедные слишком хорошо знают цену побегу: за ним почти всегда следует голод.

В ночь перед Сбором Лиоре приснилась мать. Она стояла на берегу черной воды в том платье, в котором ее хоронили, и не оборачивалась. По обычаю сны о мертвых нельзя окликать, но Лиора все равно позвала. Мать не ответила. Зато над водой прокатился тяжелый низкий звук, будто где-то далеко ударили в бронзовый колокол под землей. Проснулась она на собственном крике.

Мира сидела у ее постели, уже одетая, с лампой в руке. — Опять кошмар?

— Да.

— Про маму?

Лиора кивнула. В детстве они боялись разных вещей: Мира — темноты под кроватью, Лиора — тишины после молитв. Потом выросли, и страхи упростились. Теперь они обе боялись потерять друг друга и делали вид, что этого слишком мало, чтобы перестать жить спокойно.

— Если завтра будет что-то не так, — сказала Лиора, — беги. Не ко мне, не домой. Просто беги.

— А ты?

— Я найду тебя.

Мира долго смотрела на нее в желтом свете лампы. — Знаешь, что хуже всего? Я тебе верю. Даже когда ты обещаешь невозможное.

Утром над Вейром встало слишком ясное солнце. Город любил такие утра: на чистом свете все кажется честнее, чем есть. На площади уже собирались люди — сначала бедные кварталы, потом мастеровые, потом купцы и городская стража. Служители в белом двигались сквозь толпу, как кости в молоке. На центральном помосте стояла огромная золотая чаша для благословенной воды, а позади под белой тканью угадывалось что-то высокое, округлое, слишком тяжелое для обычной храмовой утвари.

— Что там? — прошептала Мира.

Лиора смотрела на накрытую тканью форму и чувствовала, как за грудиной сжимается ледяная рука. — Ничего хорошего.

Людей выстраивали по кварталам. Когда служитель проходил рядом с ними, воздух становился сухим, будто из него вытягивали всякую сырость, всякое дыхание. На помост поднялся настоятель Вейра, рядом с ним — высокий человек в бело-золотом плаще, которого Лиора прежде не видела. Лицо у него было тонкое, красивое и почти доброжелательное. Именно такие лица чаще всего оказываются на иконах. И на монетах. И в чужих кошмарах.

— Во имя Солнца, очищающего путь живых и просветляющего покой мертвых, — начал он, и площадь ответила привычным гулом молитвы. — Сегодня мы возвратим этому городу память о благом порядке.

При слове «порядок» Лиора рефлекторно взяла Миру за запястье. Сестра чуть сжала пальцы в ответ. Это был их детский знак: я здесь. Пока я здесь.

Потом белая ткань упала.

Под ней оказался колокол. Не церковный, не башенный — слишком гладкий, слишком темный, будто его отливали из застывшей крови, а потом покрыли слоем золота. По ободу бежали письмена, от которых у Лиоры заныло в зубах. Ни один храм Вейра не владел такой вещью. Ни один честный храм не стал бы показывать ее бедным, если бы не хотел произвести впечатление, похожее на ужас.

И под этим ужасом, тонко, почти неуловимо, Лиора услышала чужой плач. Не из толпы. Изнутри металла.

Глава 6. Солнечный Сбор

Когда колокол ударил впервые, никто вокруг не услышал того, что услышала Лиора. Для толпы это был просто низкий красивый звук, как обещание сильной власти. Для нее — сдавленный хор голосов, прижатых друг к другу в темноте. Мира тоже вздрогнула, но, кажется, от вибрации камня под ногами, а не от плача внутри металла.

Служители начали выводить на помост по одному тех, чьи имена были отмечены на табличках. Старикам давали глоток воды из золотой чаши и отпускали. Молодым женщинам касались лба солнечным жезлом, шептали что-то писарям и велели ждать. Двоих мальчиков лет десяти отвели к правой лестнице и не вернули. Толпа делала вид, что этого не заметила. Толпа всегда первой учится сотрудничать со страхом.

Когда прозвучало имя Миры Арден, Лиора почувствовала, как мир вокруг внезапно становится слишком четким. В такие мгновения человек перестает верить в случай. Все детали делаются доказательствами: скрип ремня на соседнем плаще, красная нитка на рукаве писаря, грязь на башмаке стражника. Все это будто складывается в приговор, который давно был написан, а ты только сейчас научилась читать.

Мира поднялась на помост, не оглядываясь. Лиора знала ее походку: так сестра шла к прилавку, так спускалась к морю, так выносила последний хлеб соседям после шторма. Ничего героического. Просто человек идет туда, куда не хочет, но не желает показывать страха чужим.

Высокий мужчина в бело-золотом плаще посмотрел на нее почти ласково. — Чистый отклик, — произнес он. — Посмотрите, как свет слушает эту кровь.

Служитель коснулся лба Миры жезлом. Ничего не произошло. Потом он повернул ладонь к колоколу и произнес фразу на древнем храмовом языке, от которого Лиоре стало мутно. Металл ответил тягучим стоном. Над толпой пронесся жаркий ветер. Мира побледнела и схватилась за грудь, как будто под ребра ей вогнали крюк.

— Прекратите, — сказала Лиора сначала тихо.

Никто не отреагировал.

— Прекратите! — крикнула она уже так, что ближайšie люди отшатнулись.

Служители обернулись. Высокий мужчина смотрел прямо на нее. В его взгляде не было удивления — только узнавание. Именно это испугало сильнее всего. Как будто он уже ждал ее голос.

Мира рухнула на колени. Из ее рта не вырвался ни крик, ни стон — только короткий выдох, как если бы из тела выдернули что-то важнее воздуха. Лиора бросилась к помосту, но стража уже сомкнулась перед лестницей. Она ударила первого под руку, второго — плечом, услышала ругательства, увидела, как кто-то замахивается древком. И тогда из самой глубины ее горла поднялась нота, которую Рена запрещала ей даже помнить.

Она не была громкой. Напротив — тонкой, почти прозрачной. Но мир от нее треснул. На миг Лиора увидела площадь сразу в двух видах: обычную, солнечную, и вторую — серую, как пепел, где от людей тянулись полупрозрачные тени, а над колоколом зияла черная воронка. Из нее в металл втягивало светлую, судорожно сопротивляющуюся фигуру. Душу Миры.

— Нет! — Лиора сама не поняла, к кому это было обращено: к людям, к богам, к самой смерти.

Нота сорвалась в песнь. Стражников отшвырнуло, как соломенных. Священник на помосте зажал уши и упал. Колокол загудел в ответ — не от страха, а будто от жадности. Лиора взлетела по ступеням и успела схватить Миру за руку. Плоть была теплой. Пульс — рваный. Но на другом слое мира пальцы сестры уже становились прозрачными.

Высокий мужчина шагнул к ним без спешки. — Так вот где спрятали голос, — сказал он очень тихо, и Лиора поняла, что слышит только она. — Как любопытно.

Потом он приложил ладонь к краю колокола. Звон стал невыносимым. Лиору отбросило. Она ударилась спиной о ступени и увидела, как тело Миры обмякает на руках служителей, а ее душа исчезает в металле, будто провалившись в расплавленное золото.

Кто-то кричал, кто-то молился, кто-то уже бежал с площади. Лиора поднялась на четвереньки и поползла к сестре, пока двое стражников не прижали ее к камню. Она кусалась, била ногами, рвала горло, но Миру уже уносили за белые занавеси помоста. И самое страшное было не это. Самое страшное — Лиора не чувствовала, что та умерла. Смерть всегда оставляла след, холодный и ясный. Здесь было другое: как будто миру не дали закончить движение.

К вечеру город уже называл случившееся чудом и испытанием. Те, кто видел все своими глазами, спорили, была ли Мира избранницей или оскверненной. Храм приказал молиться за ее светлый переход и молчать о подробностях. Лиора, сидя у узкой постели, на которую ей вернули тело сестры, поняла только одно: мертвых у нее отнимали не впервые, но впервые у нее отняли саму смерть.

Глава 7. Дом без голоса

После того как Миру вернули без души, время в доме испортилось. Не остановилось — остановка была бы милосердием. Оно именно испортилось, как портится молоко в жару: все еще похоже на себя, но уже с едва уловимой горечью, делающей каждый глоток неправильным. Лиора ходила от стола к постели, от печи к окну, от окна обратно к постели и не могла понять, сколько минуло часов. Соседи приносили воду, свечи, какую-то еду, но все это казалось предметами из чужой жизни. В их доме не должно было быть хлеба, пока Мира не вернется, думала Лиора. Не должно быть света, кроме того, что нужен мертвым. Не должно быть голоса, если голос не умеет разбудить сестру.

Она попробовала петь для Миры до прихода Рены. Сначала обычную песнь проводов, ту, от которой душе становится легче уйти. Потом материнскую колыбельную, сохранившуюся не словами, а ритмом. Потом совсем запрещенную ноту, ту самую, что сорвала площадь. Ничего не помогло. Тело на узкой постели оставалось теплым ровно настолько, чтобы издеваться над надеждой. У мертвых другая тишина — густая, ясная, с холодком конца. У Миры тишина была пустая, выскобленная. Лиора в какой-то момент схватила сестру за плечи и шепотом, больше похожим на рычание, велела ей вернуться. После этого села на пол и долго не могла разжать пальцы.

Рена пришла под вечер с сумкой трав, кусочком черного воска, маленьким сосудом, в котором плавала речная вода из старого кладбищенского колодца, и деревянным коробом с высушенными стеблями черного шалфея. Она никого не утешала. Только оглядела комнату и велела открыть окно шире, хотя с улицы тянуло сыростью и шумом. «Пустой дом хуже полного мертвецов, — сказала она. — Из него надо выпускать лишнее, пока оно само не выбрало, чем станет». Потом старуха зажгла черный воск у изголовья Миры, бросила в огонь шалфей и стала читать под нос древний заговор, не храмовый и не совсем законный. От дыма у Лиоры слезились глаза. Но вместе со слезами пришло первое настоящее ощущение беды: не только сестру забрали, но и сам дом пытаются сделать удобным для чужой силы.

Той ночью к ним по одному приходили люди из квартала. Старуха Мара принесла сушеную мяту. Нейм, краснея, положил на стол мешочек муки и быстро ушел, не умея смотреть на чужую безутешность. Маленький Ире, которому Мира когда-то починила рукавицу, оставил у двери деревянную птичку. Все это было трогательно и страшно. Город уже начинал оплакивать Миру как умершую, потому что живые не умеют долго смотреть на незавершенность. Им нужен либо гроб, либо чудо. Лиора понимала их и ненавидела за это понимание. Когда последний сосед вышел, она собрала все принесенные вещи в один угол, словно пыталась отодвинуть доброту подальше от постели. Ей хотелось не жалости, а ответа.

Рена ответов не давала, но рассказывала историю. Впервые в жизни — о матери Лиоры и Миры. Оказалось, та тоже однажды услышала зов из-под земли, еще задолго до рождения дочерей. Тогда ее спасли старшие певицы рода, но после этого она больше никогда не пела полной силой. «Она боялась, что кровь вспомнит дорогу слишком хорошо», — сказала Рена. Лиора подняла голову. «Какая дорога?» Старуха почесала костяшкой висок, будто спорила с памятью. «Та, по которой женщины вашей крови идут к трещине между мирами. Не всякая певчая годится для этого. Ваши — годятся слишком часто. Если ты пойдешь за ней, помни: самое опасное по ту сторону не чудовище, а надежда, которую тебе дадут чересчур легко». Лиора поняла только половину, но и половины хватило, чтобы холодно стало даже у огня.

Поздней ночью, когда Рена задремала у печи, Лиора вышла во двор. Море гудело далеко, город был почти тих. Только в верхней части Вейра звонили колокола — не траурно, а будто отмечая удачу. Она подняла голову и увидела на храмовом холме белые факелы. Люди праздновали Солнечный Сбор. Возможно, благодарили свет за избранных. Возможно, просто радо-

вались, что беда пришла не в их дом. В Лиоре в ту минуту окончательно умер последний остаток почтения к любому храмовому слову. Она вернулась внутрь уже другим человеком: не той, что просит богов, а той, что если и будет петь дальше, то только против людей, заставивших ее просить.

Именно после этой ночи дом начал отвечать ей звуками. Не чудесами, а мелкими смещениями правды. Ложка на столе звенела раньше, чем к ней прикасались. Половица под кроватью Миры поскрипывала без веса. На стекле изнутри появлялся запотевший след, похожий на детскую ладонь. Рена увидела это и велела никому не рассказывать, иначе служители вернутся уже не за телом, а за Лиорой. «Когда душу удерживают силой, тело все равно зовет ее обратно, — объяснила старуха. — Иногда зов отражается в дереве, в воде, в соли. Не отвечай сразу, если услышишь имя. Сначала узнай, кто именно хочет, чтобы ты открыла дверь». Но у Лиоры не осталось воли к осторожности. Она сидела у постели сестры, держала ее за пальцы и ловила каждую малейшую перемену воздуха, надеясь, что однажды та превратится в знак.

Под утро она наконец уснула, уронив голову на край кровати. И увидела сон, который потом будет помнить куда яснее многих реальных дней. Ей снился длинный коридор под морем, стены которого были сложены не из камня, а из чужих имен. По нему босиком шла Мира в том самом красном платке, снятом с волос и теперь повязанном на запястье. Она не плакала и не звала. Только оглянулась однажды через плечо и показала вниз, туда, где под коридором шумела не вода, а чье-то очень большое сердце. Лиора проснулась с криком и поняла, что больше не сможет жить так, будто от нее требуется терпение. Ей нужен был путь под камни. Пусть даже его сторожит сам Король Мертвых.

Глава 8. Под камнями

Глубокой ночью под домом кто-то тихо позвал: — Лио.

Она замерла. Голос был Мириным. Не похожим. Не приблизительным. Тот самый: с мягкой насмешкой на последнем звуке, с теплой хрипотцой после смеха. Он доносился не из окна, не из двери, а снизу, будто кто-то стоял под половицами.

— Лио, — повторил голос. — Я здесь.

Рука сама нашла в кармане серебряную иглу. Лиора так сильно вколола ее в палец, что кровь выступила мгновенно. Боль немного прояснила голову. Не отвечай сразу, сказала Рена. Не всякий голос из-за границы — тот, за кого себя выдает.

— Где ты? — все же прошептала Лиора.

Половицы под ногами дрогнули едва ощутимо. Потом голос произнес: — Там, где камни помнят воду. Иди одна.

Лиора повернулась к постели. Тело Миры лежало неподвижно, бледное, безупречно чужое. Если это ловушка, она все равно в нее пойдет, поняла Лиора. Потому что у любви есть уродливая сторона: иногда человек сознательно идет на то, что его уничтожит, лишь бы еще раз услышать любимый голос.

Она зажгла вторую лампу, накинула плащ и вышла. Ночь была почти безлюдной; только у трактиров горели поздние окна и где-то далеко ругались рыбаки, вернувшиеся слишком трезвыми. Лиора шла по голосу, хотя не слышала его непрерывно. Он возникал то у дренажной решетки, то у стены старой часовни, то у лестницы, ведущей к нижнему кладбищу. Там ветер стих совсем, как будто воздух в этом месте опасался шевелиться.

У семейного склепа давно исчезнувшего рода Арденов замок на двери оказался сорван. Лиора не знала, кто и когда это сделал. Их род обнищал так давно, что даже имя на камне стерлось до половины. Внутри пахло мокрым известняком и той странной сладостью, которую оставляют века закрытых гробниц. Лампа осветила ступени, уходившие ниже, туда, где по правилам не должно было быть никаких ступеней.

— Мира? — позвала она теперь уже без осторожности.

Ответ пришел не голосом, а холодом. Глубоко внизу вздохнуло что-то огромное. Не чудовище — сама тьма, если бы тьма была способна дышать. Лиора спустилась еще на несколько ступеней и увидела перед собой арку, которой никогда не было в этом склепе. По камню тянулись серебряные нити, похожие на застывшую воду. За аркой мерцал не подвал и не крипта, а длинный зал из черного камня, по полу которого текла узкая светящаяся река.

В центре зала стоял мужчина.

Высокий, неподвижный, одетый в черное так, будто ночь сама стала тканью. Лицо сперва показалось вырезанным из бледного камня, потом — слишком живым для мертвеца, слишком спокойным для человека. Его волосы были темнее тени, а глаза — того невозможного цвета, который бывает у зимней воды перед бурей. На виске мерцал тонкий знак, похожий на трещину из серебра.

— Ты не Мира, — сказала Лиора.

Мужчина посмотрел на нее так, будто слышал это уже сотни раз и всякий раз находил забавным, что люди ожидают другого. — Нет, — ответил он. — Но именно я могу вернуть тебя к ней ближе всех, кто еще способен держать слово.

Глава 9. Король под землей

Лиора не отступила только потому, что за ее спиной уже не было прежнего склепа. Лестница исчезла. Вместо нее тянулся коридор, заваленный темнотой, как водой. Она видела такие переходы только во сне после тяжелых похорон — когда разум не хочет признавать конец и строит коридоры к невозможному.

— Кто ты? — спросила она.

Мужчина чуть наклонил голову. — Люди называют меня по-разному. В молитвах — Хранителем Последнего Пути. В проклятиях — пожирателем имен. В старых песнях, которые ваши храмы велели забыть, — Королем Мертвых.

Лиора должна была испугаться сильнее. Вместо этого она ощутила ярость — ту самую, которая помогает разговаривать с властью, когда бояться уже поздно. — Если ты Король Мертвых, где моя сестра?

Он не обиделся и не удивился прямоте. Только ответил сразу, без театральной паузы: — Не у меня.

— Ложь.

— Ты работаешь с умирающими. Ты умеешь чувствовать переход. Почувствовала ли ты его у своей сестры?

Лиора молчала. Его спокойствие было трудным. Так спокойно говорят люди, которые или не умеют сочувствовать, или слишком давно привыкли к чужой боли. Но он ударил по самому слабому месту: по правде.

— Нет, — сказала она глухо.

— Потому что ее смерть была прервана. Ее душу не приняли, а похитили. Живые сделали то, что делали прежде лишь в эпохи больших войн: впрягли душу в механизм. Ты слышала плач внутри колокола, верно?

Лиора стиснула лампу так, что горячий металл обжег пальцы. — Что это было?

— Солнечный Колокол. Старое устройство, построенное людьми, которые не хотели платить смерти ее цену. Когда им нужно было удержать короля, ребенка, любовника или пророка, они привязывали души к металлу и свету, создавая ложный запас вечности. Вещь эта почти исчезла из мира. Почти.

Он двинулся к ней, и Лиора впервые заметила, что шаги его не звучат по камню. Не потому, что он призрак. Потому, что сам камень будто заранее соглашался пропустить его без сопротивления. Она заставила себя не отступать, когда он остановился в шаге. От него пахло не разложением и не холодом могилы, как она ожидала, а чем-то странным: ночным воздухом перед снегом и дымом благовоний, которые забыли в пустом храме.

— Если ты все знаешь, верни ее, — сказала Лиора. — Разрушь колокол. Убей тех, кто это сделал. Ты же король.

Тень улыбки коснулась его рта. — Я — король конца, а не вторжения. Между моим царством и вашим миром стоят законы. И эти законы уже трещат. Если я войду в полную силу, живые назовут это нашествием мертвых. Если не войду, они завершат то, что начали. Поэтому мне нужен голос, который принадлежит обеим сторонам порога.

— Мой голос?

— Твой. Не обычный плач и не храмовый распев. Тот, который вырвался у тебя на площади. Кровь помнит то, что книги стараются сжечь.

Он поднял руку. Над его ладонью дрогнул воздух, и зал вокруг них изменился. Лиора увидела площадь Вейра сверху, будто смотрела из чужих глаз. Белая толпа, золотой помост, колокол. Из темного нутра металла тянулись семь толстых нитей света, уводя куда-то за пределы видимого. И среди них — тонкая, почти живая, пульсирующая нить Мира.

— Семь великих душ держат устройство в равновесии, — сказал он. — Семь Похищенных Венцов. Пока они связаны, колокол может пожирать и удерживать. Душа твоей сестры — новая жила в этой сети. Не главная, но опасно свежая. Если я получу назад хотя бы часть украденных душ, смогу дотянуться до нее.

— А если нет?

— Тогда либо она будет стерта в механизме, либо твой святой город узнает, что такое бессмертие без милости.

Лиора всмотрелась в призрачную картину и на мгновение увидела Миру — не целиком, а только лицо, словно прижатое к стеклу. Лицо шевельнулось без звука. Лиора шагнула вперед и схватила мужчину за запястье. — Помоги мне. Сейчас.

Его кожа оказалась не мертвой. Холодной — да. Но под этим холодом была сила, осязаемая, как течение большой реки. Взгляд его опустился к ее руке, и Лиора запоздало поняла, что впервые в жизни коснулась чего-то древнего настолько, что сама старость рядом с ним казалась новой.

— Я помогаю, — сказал он тихо. — Иначе мы бы не разговаривали.

Глава 10. Цена просьбы

Он назвал себя Каэлем Морвейном так просто, будто имя ничего не меняло. Для Лиоры меняло все. Имя делало невозможное предметным. До этой минуты Король Мертвых был легендой, угрозой в детских страшилках, фигурой из полузапрещенных песен. Теперь он стоял перед ней в черной ткани, не похожий ни на чудовище, ни на обычного человека, который просит доверия.

— Если я соглашусь, — сказала Лиора, — что именно ты от меня хочешь?

— Не согласишься — потеряешь время, которого у Миры почти нет.

— Тогда скажи мне быстро.

Его взгляд снова скользнул по ее лицу, будто решал, сколько правды она выдержит. — Ты пойдешь со мной в Нокт, в царство мертвых. Для живых оно существует как послесловие, но на самом деле это страна. Там хранятся имена, клятвы, незавершенные скорби. Семь душ, удерживающих Колокол, — не безвольные пленники. Каждая закована особым способом: памятью, любовью, виной, страхом. Я могу открыть к ним путь. Но только твой голос способен позвать их так, чтобы они вспомнили, что когда-то были живыми, а не частью машины.

— И что будет, когда мы их вернем?

— Тогда сеть ослабнет. Я дотянусь до души твоей сестры и вырву ее из сердца Колокола.

— Ты говоришь так, будто это просто.

— Ничего простого я тебе не обещал.

Лиора отвернулась. Светящаяся река у их ног несла крошечные искры, похожие на звезды, умершие в воде. Где-то далеко плакала женщина, и этот плач не казался мучительным — скорее бесконечно усталым. Мир, куда Каэль звал ее, не был адом. И от этого он пугал сильнее. Ад понятен. А страна, где у боли есть порядок, требовала большего мужества.

— Почему я? — спросила она. — Неужели за сотни лет не нашлось никого другого с таким голосом?

Каэль молчал мгновение дольше, чем прежде. — Нашлись. И почти все умерли слишком рано. Одну я любил.

Лиора резко повернулась к нему. В его лице ничего не изменилось, будто он произнес не признание, а дату давно прошедшей зимы. Но зал словно похолодел еще сильнее.

— Любил? — переспросила она, сама не понимая, зачем.

— Когда мир был моложе и глупее, чем теперь. Эта история не поможет твоей сестре.

И все же он уже сказал слишком много. Лиора вдруг поняла, что в его голосе нет пустоты. Есть усталость длиной в столетия. И одиночество, превратившееся в привычку настолько старую, что оно больше не называется одиночеством. Это знание было опасным. Люди чаще всего погибают не из-за ненависти к чудовищу, а из-за первого сочувствия к нему.

— Если я пойду с тобой, мое тело умрет?

— Нет. Но твоя жизнь изменится так, что прежняя уже не вернется. Ты увидишь то, чего жрецы запрещают видеть, услышишь тех, кого мир предпочитает забыть, и станешь приманкой для всего, что питается незавершенной смертью.

— То есть ничего нового.

На этот раз он действительно улыбнулся — едва заметно, но так, что ей вдруг стало трудно дышать. Улыбка на его лице выглядела нарушением древнего порядка.

— Есть еще цена, — произнес Каэль.

— Разумеется.

— Твой дар не подчиняется приказу. Он подчиняется связи. Чтобы твоя песнь могла дотянуться туда, где души перепутаны с металлом и древним светом, нам нужно заключить узел — не молитвой, не кровью, а дыханием. Каждый раз, когда мы будем высвобождать пле-

ненную душу, я должен буду принять твою песнь в себя и вернуть ее усиленной. Для этого наши рты должны соединиться. Ваши книги назвали бы это поцелуем. Мои судьи назвали бы это рабочим ритуалом.

Лиора уставилась на него, не веря, что в сердце самого страшного разговора ее жизни нашлось место для такой безумной детали. — Ты издеваешься.

— Нет.

— Почему именно так?

— Потому что рот — первое место, где рождается имя, клятва и песня. Потому что дыхание живого для мертвого — самая дорогая валюта. Потому что иначе ты сгоришь, а я не удержу твой голос на границе.

Она хотела отказаться уже из упрямства. Но снова вспомнила лицо Миры за призрачным стеклом. И поняла, как устроено настоящее отчаяние: оно не унижает, а сужает мир до единственной двери, пусть даже эта дверь открывается поцелуем Короля Мертвых.

— Если ты солжешь мне, — сказала Лиора, — я найду способ убить тебя.

— Это будет любопытно увидеть, — ответил Каэль. — Но я принимаю условие.

Он протянул руку ладонью вверх. На его коже медленно проявился знак, похожий на ветвящуюся трещину из лунного серебра. — Коснись и назови свое истинное имя.

— Лиора Арден.

— Назови его так, как называла мать.

Лиора застыла. Этого имени почти никто не знал. — Лио.

Серебряный знак вспыхнул. Где-то далеко река под камнем поднялась на миг выше, будто кто-то вдохнул в нее ветер. Каэль медленно сомкнул пальцы на ее ладони. — Теперь договор услышан. Осталось только закрепить его.

Глава 11. Поцелуй-контракт

Лиора не ожидала, что страх окажется таким телесным. Не благородным, не возвышенным — простым и позорным: сухость во рту, дрожь в коленях, желание отступить на шаг и одновременно не отступать именно потому, что он это заметит. Каэль стоял слишком близко. Не касаясь ее — и от этого близость казалась еще опаснее.

— Это обязательно делать сейчас? — спросила она. Голос прозвучал хрипло.

— Да. Иначе дорога в Нокт не признает тебя своей гостьей.

— Гостьей? У тебя любезный язык для короля могил.

— Я не король могил. Могилы — привычка живых складывать тела в землю. Я правлю тем, что остается после привычек.

Его слова не успокаивали. Но каким-то образом делали ужас чуть более осмысленным. Лиора подняла подбородок. — Делай свой ритуал.

— Нет, — тихо сказал Каэль. — Или ты делаешь его со мной, или мы не начинаем вовсе.

Она поняла: он не берет. Он ждет выбора. Это было трудно, потому что лишало удобной ненависти. Намного проще обвинять силу, чем признать собственное согласие на риск.

Лиора сделала вдох. Воздух в этом месте был странным: холодным, но не тяжелым; как если бы камень под землей умел помнить зимнее утро лучше, чем любое небо. Она шагнула ближе. На таком расстоянии стала заметна маленькая белая черточка у края его нижней губы — то ли старый шрам, то ли дефект самого совершенства. Человеческая мелочь на лице существа, которое не имело права казаться человеком.

— Я делаю это ради Миры, — сказала она.

— Разумеется, — ответил он. Но в его голосе было что-то, от чего ей захотелось отвести взгляд.

Она не отвела.

Каэль коснулся ее щеки тыльной стороной пальцев — осторожно, почти уважительно. От этого прикосновения по коже побежали мурашки, слишком живые, слишком предательские. Потом он наклонился, давая ей последний миг для отказа. Лиора могла бы оттолкнуть его. Вместо этого сама сократила расстояние.

Поцелуй ударил в нее не жаром, а холодным светом. Она ожидала мертвенной пустоты — получила поток силы, чистой и страшной, как зимняя река под тонким льдом. На первой секунде ей показалось, что легкие сейчас разорвутся: Каэль действительно принимал ее дыхание, как часть клятвы. На второй секунде ее собственный голос, спрятанный глубоко в груди, вдруг отозвался ему, как струна отзывается другой струне. На третьей Лиора увидела не зал и не камень, а множество дорог из света и тьмы, пересекающих огромную страну под миром живых.

Она отшатнулась бы, если бы Каэль не удержал ее за талию. Не властно — просто не давая упасть. Когда поцелуй разомкнулся, Лиора еще несколько мгновений не могла понять, где заканчивается ее тело. Сердце билось так быстро, будто пыталось вырваться. На языке остался вкус снега и горьких трав.

На их сцепленных руках вспыхнули одинаковые знаки: на ее запястье — тонкая серебряная нить, на его — темная, как чернила в воде.

— Что это? — выдохнула она.

— Договор. Пока он существует, я смогу находить тебя по эту и по ту сторону границы. А ты — слышать меня, когда миру вокруг будет выгоднее, чтобы ты ошиблась.

Лиора медленно выпрямилась. Ее бросало то в жар, то в озноб. Возмущение, ужас, усталость и совсем неуместное чувство, похожее на притяжение, сплелись в такой плотный узел, что она не могла разобрать ни одного отдельно.

— Никогда больше не трогай меня без предупреждения, — сказала она.

Каэль опустил руку. — Значит, в следующий раз я предупрежу.

Слова должны были прозвучать холодно. Вместо этого вышло почти интимно, и Лиора возненавидела себя за то, что заметила.

Зал под ними дрогнул. Светящаяся река вдруг взметнулась выше и рассыпалась по воздуху сотнями искр. Где-то далеко ударил другой колокол — не солнечный, а глубокий, подземный. Каэль резко повернул голову, прислушиваясь не ушами, а всем существом.

— Нас уже ищут, — сказал он. — Слишком рано.

— Кто?

— Те, кто чувствует разрывы между мирами. И те, кто стоит на службе у вашего святого двора. У нас мало времени.

Он протянул ей руку снова, и теперь в этом жесте не было ни намека на церемонию. Только необходимость. — Если идешь, Лиора Арден, иди сейчас.

Она подумала о пустом теле Миры на узкой постели, о площади, о металле, плачущем человеческими голосами. Потом вложила пальцы в его ладонь.

— Веди.

Мир вокруг сложился, как смятый лист. Камень ушел из-под ног. Холодная тьма вспыхнула звездной пылью. И Лиора поняла, что дорога в царство мертвых начинается не с первого шага, а с согласия не принадлежать больше только миру живых.

Глава 12. Нокт

Переход длился мгновение и целую жизнь. У Лиоры не было слов для того, что произошло с телом: не падение, не полет, не сон. Скорее чувство, будто ее имя на секунду вынули из мира, промыли в ледяной воде и вставили обратно. Когда ноги снова ощутили опору, она стояла уже не в склепе Вейра.

Перед ней простирался берег широкой темной реки. Не черной — именно темной, как может быть темен бархат, небо перед штормом или взгляд человека, который давно перестал просить. По другой стороне реки поднимался город. Башни его были высокими и тонкими, как застывшие свечи, мосты светились серебром, а окна в домах мерцали так, будто за ними горели не огни, а чьи-то последние воспоминания. Над всем этим не было ни солнца, ни луны. Только глубокий сумрак, пронизанный медленным сиянием, будто сама тьма научилась светиться изнутри.

— Это Нокт, — сказал Каэль. Он уже отпустил ее руку, но серебряная нить на запястье продолжала слегка теплеть, напоминая о договоре. — Берег Эха. Здесь души еще различают голоса тех, кого оставили.

Лиора смотрела на воду. На поверхности медленно проплывали отражения лиц. Иногда они поднимались почти к самой глади, словно хотели вдохнуть, и снова уходили вниз. Но в этом не было мучения. Только движение, которому наконец позволили быть завершенным.

— Они меня видят? — спросила она.

— Некоторые. Не смотри слишком долго в глаза тем, кто зовет. Особенно если услышишь знакомый голос. Берег любит пользоваться тоской.

Как будто в ответ на его слова где-то левее кто-то сказал: «Лио». Голос был материн. Лиора резко повернулась, но увидела только женщину в сером, сидевшую на камне у воды и певшую беззвучно. Каэль не стал ее останавливать взглядом или словом. Просто ждал, пока она сама справится с первым искушением этого места.

Лиора отвела глаза. — Я думала, здесь будет хуже.

— Хуже бывает у живых, когда они слишком долго не дают мертвым уйти.

По берегу двигались фигуры в длинных одеждах цвета пепла и синей стали. Некоторые несли фонари, в которых плавало белое пламя. Некоторые вели за собой тех, кто еще не понял, что умер. Никто не проявлял к Лиоре открытого интереса, но она ощущала на себе взгляды — не враждебные, скорее удивленные. Живая женщина рядом с их королем была здесь редкостью, если не невозможностью.

Вдоль воды тянулась лестница к пристани. У причала их ждала лодка без гребца, длинная, черная, гладкая, как расколотое зеркало. Каэль сделал знак, и лодка сама подалась ближе. Лиора хотела спросить, сколько еще в этом мире вещей движутся без рук и зачем тогда вообще нужны люди, но вместо этого сказала: — Если я сейчас передумаю?

Он посмотрел на нее долгим, почти мягким взглядом. — Тогда я верну тебя в Вейр. Ты похоронишь тело сестры. Храмовая канцелярия попытается забрать и его. Через несколько недель или месяцев Колокол наберет такую силу, что в городе начнут подниматься недавно умершие. Ты все равно услышишь их. Только уже без меня.

— А с тобой это не случится?

— Случится. Но у нас есть шанс остановить это раньше.

Лиора шагнула в лодку. Доски под ногами не скрипнули. Вода тоже не плеснула. Лодка отчалила без толчка, будто река заранее знала, что им предстоит путь. Город приближался медленно и величественно. На одном из дальних мостов Лиора увидела статуи — девять фигур в коронах и с закрытыми глазами. Над ними мерцал серп света, похожий на лезвие.

— Кто это?

— Девять Судей. Они решают, куда идет душа, если сама не может решить. Сегодня им не до нас. Но скоро будет.

— Мне не нравится, как часто ты говоришь «скоро будет».

— Мне тоже, — спокойно признал Каэль.

Лодка скользнула под аркой моста. На камне были высечены тысячи имен, так плотно, что они превращались в узор. Лиора невольно провела пальцами по одному из них — и вздрогнула. Имя было теплым. Не в буквальном смысле. Оно просто несло в себе остаток человеческой жизни, как раковина несет звук моря. Она подняла взгляд на Каэля. — Ты помнишь всех?

— Нет. Но мое царство помнит. Потому оно и стоит.

Ответ прозвучал почти гордо, но без самодовольства. В эту секунду Лиора впервые увидела в нем не только чудовище из молитв, не только мужчину, который целовал ее в темном зале ради сделки, но и правителя — того, кто действительно несет на себе тяжесть места, которое без него развалилось бы в хаос.

Эта мысль оказалась опасно человеческой.

Когда лодка причалила к черной лестнице Града Последних Имен, над городом прозвучал далекий медный удар. Каэль обернулся к тьме за рекой, будто слышал приказ, которого она не слышала. Потом снова посмотрел на Лиору.

— Отдохни сегодня, если сможешь, — сказал он. — Завтра я покажу тебе первую душу, которую нам предстоит вернуть.

— А если я не смогу спать в царстве мертвых?

Тень той невозможной улыбки снова коснулась его рта. — Тогда Нокт будет слушать, как ты дышишь. Для начала этого достаточно.

Он предложил ей руку, помогая выйти из лодки. Лиора приняла помощь прежде, чем успела придумать гордый отказ. Его пальцы сомкнулись на ее ладони, и серебряная нить на запястье коротко вспыхнула.

Высоко над ними, на самом темном шпиле города, загорелся одинокий огонь. Не теплый, а белый, как костяное пламя. Лиора подняла голову и с внезапной ясностью поняла: она действительно ушла за грань. И назад прежней уже не вернется.

Но если цена за возвращение Миры начиналась здесь, на берегу мертвых, Лиора была готова платить.

Глава 13. Град Последних Имен

Комнаты, которые Каэль отвел Лиоре, не походили на тюремные покои, хотя первое чувство у нее было именно таким. Слишком тихо, слишком чисто, слишком мало случайностей. Каменные стены сияли матовым серебром, как будто в них навеки впитался лунный свет. В широком окне не было стекла — за ним стояло неподвижное ночное небо Нокта, и на его глубине медленно двигались бледные огни, похожие на далекие лодки. Лиора долго не могла понять, звезды это или души. Потом решила, что разницы здесь, наверное, нет.

Она не спала почти до рассвета, если в царстве мертвых вообще существовало слово «рассвет». Нокт не менялся так, как Верхний мир. Здесь время было не солнцем, а пульсом. Где-то далеко звонили колокола, и после каждого удара воздух казался немного иным. Иногда Лиоре чудилось, будто по коридору проходит кто-то босиком. Иногда — будто за стеной тихо поют. Но когда она открывала дверь, видела только длинную галерею, серебряные лампы и собственную тень.

Утром, если это все же было утро, ее встретила женщина в темно-синем одеянии, высокая и спокойная, как статуя на палубе затонувшего корабля. Она назвалась Истарой, хранительницей гостевых покоев. Ее лицо было красивым и почти бесстрастным, но Лиора сразу уловила в этой красоте то, что чувствуют только бедные: привычку молчать не из робости, а из дисциплины. — Вам велено спуститься в Нижний двор, — сказала Истара. — Король ждет.

Нижний двор оказался не двором, а огромной площадью под открытым сводом, где вместо неба мерцали бесчисленные имена. Они двигались над головами, как медленный серебряный дождь, складывались в узоры и снова распадались. По краям площади стояли Девять тронов, сейчас пустых. Их спинки были высокими, как надгробия царей. На ступенях внизу ждали существа и люди: проводники мертвых, писцы, стражи, женщины с чашами праха, дети, которых Лиора сначала приняла за живых, но потом заметила, что их ноги не касаются камня до конца.

Каэль стоял у длинного стола из черного камня и смотрел на карту, выложенную тонкими полосами белого огня. При ее приближении он поднял голову, и Лиора впервые увидела его в свете Нокта не как силу из склепа, а как часть здешней материи. Черный плащ на нем был застегнут высоко под горлом, на запястье темнел обруч из матового металла, а волосы, казавшиеся в Верхнем мире просто темными, здесь отливали пеплом. Он выглядел так, будто тьма выбрала для себя человеческий облик и не пожалела вкуса.

— Ты выпалась, — сказал он, словно это был вопрос, в котором не осталось вопросительного знака. — Для первой ночи за гранью достаточно. Сегодня ты увидишь, что именно мы возвращаем и почему мне нужна не только певица, а именно ты.

На карте загорелись семь огней. Четыре уже были ближе к Нокту, три — в стороне от него, почти у самой черты Верхнего мира. Каэль коснулся первого. Над камнем возникло лицо женщины в короне из тонких ветвей. Красота ее была не юной, а властной, и от этого еще более печальной. — Сарет, королева Долинной Марки, — произнес он. — Умерла сто сорок три года назад. Душа должна была пройти в Сады Несбывшегося и дальше, но потомки удержали ее на Берегу Эха молитвами, реликвиями и кровной клятвой. Пока она связана, первый Венец не вернется.

— Люди молятся за умерших каждый день, — ответила Лиора. — Ты называешь это похищением? — Я называю похищением все, что сделано против воли мертвого. Ты сама увидишь разницу. Берег Эха покажет тебе не то, как любят, а то, как присваивают под видом любви.

К ним подошел страж в маске из полированного серебра и низко поклонился. В тот же миг Лиора почувствовала, как по площади проходит едва заметная волна внимания. На нее

смотрели. Не с любопытством толпы, а с настороженным расчетом двора. Каэль этого не скрывал и не смягчал. Он просто протянул ей перчатки из мягкой черной кожи. — На Берегу лучше не касаться чужих лиц голыми руками. Там тоска умеет прилипать.

Лиора взяла перчатки и вдруг поймала себя на мысли, что принимает от него вещи почти так же естественно, как раньше от Миры принимала хлеб из печи или гребень для волос. Мысль разозлила ее. Она натянула перчатки резче, чем требовалось, и сказала: — Не думай, что я здесь из доверия. — Я думаю только, что ты здесь из любви, — ответил Каэль. — Это гораздо опаснее доверия.

Глава 14. Слуги Нокта

Нокт не терпел праздного движения. Даже ветер здесь не гулял без смысла, а менял направление лишь тогда, когда в одном из доменов смещался вес памяти. Лиора поняла это на второй день после прибытия, когда вышла из комнат раньше, чем ее позвала Истара, и заблудилась в галерее каменных арок. В Верхнем мире дворцы строили, чтобы поражать, унижать и разделять. Здесь пространство было подчинено другому чувству — не тщеславию, а функции. Каждая лестница вела туда, где ее действительно ждали. Каждый зал соответствовал виду скорби, которую должен был удерживать. Даже тишина имела здесь разные оттенки: тишина ожидания, тишина суда, тишина после отпущенного имени. Это пугало и одновременно завораживало.

Истара нашла Лиору у окна, выходившего не наружу, а в вертикальную шахту, по которой медленно поднимались светлые частицы, похожие на пыль звезд. «Не смотрите туда слишком долго», — сказала она без упрека. «Это Колодец Несказанных Имен. Те, кого так и не назвали, поднимаются отсюда к Судьям». Лиора спросила, почему в Нокте столько женщин на службе и так мало показной иерархии, к которой она привыкла в храмах живых. Истара усмехнулась уголком рта. «В конце все равны быстрее, чем живые успевают это признать. Здесь нельзя сделать вид, будто власть чище труда». В этих словах было больше гордости, чем в любой придворной похвальбе.

Днем Истара отвела ее в Дом Переписей — огромный зал, где десятки писцов заносили в книги не только имена мертвых, но и формы их ухода: утопление, роды, старость, казнь, пожар, неизвестность, разлучение. Лиора сперва не поняла, зачем смерти такая подробность. Тогда один из писцов, высокий юноша с прозрачной кожей, ответил, не поднимая глаз от страницы: «Без точности милость становится равнодушием. Старуха, отжившая свое у моря, и ребенок, которого сожгли ради культа, приходят к одному концу. Но путь к нему у них разный». Нокт все больше казался ей царством не мрака, а точности, от которой живые бегут лишь потому, что она не дает им красивых оправданий.

Вечером ее впервые привели на нижний прием, где собирались не Судьи, а хранители доменов, лодочники памяти, сторожа Пустоты, женщины с ключами от садов несбывшегося. Они смотрели на Лиору не как на возлюбленную короля, хотя слухи уже существовали, а как на переменную величину, от которой может накрениться весь порядок. Один старый хранитель Берега Эха прямо спросил, готова ли она отличать любовь от удержания, если речь пойдет о собственной сестре. Лиора не ответила сразу. Каэль, стоявший у края зала, не вмешался. И именно это заставило ее ответить честно: «Нет. Пока не готова. Но я и не пришла изображать готовность. Я здесь, потому что без меня вы не дотянетесь до той, кого вплели в Колокол». В Нокте уважали не добродетель, а точность признания. После этих слов на нее стали смотреть иначе.

Позднее той же ночью Каэль спустился в старый двор без свидетелей. Здесь росли только белые травы и одна сухая яблоня, не знавшая времен года. Он остановился под ее ветвями и впервые за многие годы не стал прятать усталость. С возвращением Лиоры в его царство в Нокте стало громче, хотя внешне все лишь чуть сдвинулось. Судьи спорили жестче. Истара молчала внимательнее. Даже вода на Берегу Эха стала подолгу удерживать отражения. Каэль не был наивен: он понимал, что дело не в красоте смертной девушки и не в ее редком голосе по отдельности. Мир узнал в ней старую трещину и заранее боялся, что из этой трещины снова вырастет выбор, за который потом некому будет простить его.

Он вспоминал Астарею реже, чем думали окружающие, но точнее. Не каждый день, не каждый месяц, а только тогда, когда встречал ту же форму упрямства в чужом лице. У Лиоры этот упрямый изгиб рта появлялся нечасто, зато всегда в самых опасных местах: когда она

спорила с Судьями, когда брала на себя чужую боль как долг, когда смотрела на него так, будто уже знает цену и все равно не отступит. Это не было сходством тел. Это было сходство выбора. Именно его он и боялся.

В ту ночь Истара пришла к нему сама. Она редко нарушала границы без необходимости, а потому Каэль понял серьезность разговора еще до слов. «Если живая останется рядом, двор расколется», — сказала она. «Если вы отошлете ее, расколется мир». Каэль не ответил сразу. Истара была одной из немногих, кто помнил его еще до полной короны. Не юношей, конечно, но существом менее замкнутым. Она продолжила тише: «Вы боитесь не ее силы. Вы боитесь, что на этот раз захотите не только спасти мир, а спасти и ее. Одновременно». Он посмотрел на ночное дерево, где не было ни листьев, ни яблок, и сказал: «Я боюсь, что впервые за века это может оказаться не гордыней, а единственно верной задачей».

Когда Лиора той же ночью проснулась от чужой песни в коридоре, ей показалось, что Нокт разговаривает сам с собой. На самом деле пели две хранительницы, провожая сразу трех детей, умерших в Верхнем мире от горячки и не успевших испугаться до конца. Их песня была без слез, почти светлая. Лиора стояла за приоткрытой дверью и слушала, как в этом царстве умеют обращаться даже с самым маленьким горем без показной святости. Впервые ей пришла мысль, от которой она сперва отшатнулась как от предательства: если бы мать когда-то попала сюда, возможно, кто-то здесь встретил бы ее бережнее, чем те боги, которым они молились наверху.

На следующий день, уже уходя к первому Венцу, Лиора поймала Каэля взглядом в отражении черного камня. Он смотрел не на карту и не на Судей, а на нее — коротко, почти мимоходом, так, как смотрят те, кто не имеет права на открытое чувство и потому прячет его в точности внимания. Она поняла это неожиданно ясно. И в ту же секунду весь путь впереди стал страшнее. Любая сделка переживается проще, чем нежность, которая еще не решилась назвать себя именем.

Вечером, уже возвращаясь к своим покоям, Лиора услышала за углом голос Судьи Вины. Он говорил с кем-то о ней, и в этих словах не было явной вражды — только сухая осторожность старого чиновника катастроф. «Король снова выбирает сердцем то, что надо было выбирать одним законом», — сказал он. На это Истара, стоявшая рядом с Лиорой в тени колонны, ответила почти беззвучно: «Он выбирает не сердцем. Он выбирает единственное оружие, которое живые еще не превратили в систему». Лиора не решилась тогда спросить, верит ли сама Истара в успех их пути. Но запомнила, что даже в Нокте есть люди, для которых она не только угроза, но и последняя возможная форма надежды.

Глава 15. Берег Эха

Лодка везла их по реке так тихо, будто вода под ними была не водой, а памятью. Берег Эха днем — если здесь вообще существовал день — выглядел мягче, чем ночью. Камни казались молочно-серыми, над ними стелился туман, а на мелководье лежали венки, письма, игрушки, кольца, детские башмачки и сотни мелких предметов, которые живые бросали вслед своим мертвым, не желая поверить, что границу нельзя купить ни золотом, ни нежностью.

Сарет ждала их у самой кромки, стоя босиком в воде. Ее платье было соткано словно из прозрачного дыма, а ветвистая корона на голове шевелилась как живая. Лиора сразу поняла, что королева красива той зрелой, несокрушимой красотой, которая рождается не от юности, а от привычки к власти. И все же в ней было что-то изломанное: плечи, слишком неподвижные; взгляд, который постоянно возвращался к дальнему берегу.

— Ты пришел ломать клятвы детей, Повелитель? — спросила Сарет у Каэля. — После столетия молчания это почти нежность. — Я пришел исполнить твою волю, которую искажают вместо молитвы, — ответил он. — И привел ту, чей голос сможет рассечь чужую любовь, не обратив ее в ненависть.

Лиора не успела возмутиться, что ее представили как орудие, потому что за их спинами поднялся шум. На берег стекались тени живых, отражения потомков Сарет: женщины с заплетенными волосами, мужчины в меховых воротниках, дети с семейными медальонами на груди. Это были не сами люди, а следы их многолетних призывов. Они тянулись к королеве и повторяли одно и то же: «Не уходи. Не оставляй нас. Не оставляй наш дом без имени». Мольба звучала так красиво, что Лиора сперва почти поддалась ей. Только потом уловила главное: никто не спрашивал, чего хочет сама Сарет.

— Я устала, — тихо сказала королева, словно отвечая именно ей. — Они зовут меня корнями, кровью, обещанием. Я была им нужна, пока была полезна. Теперь я нужна им как легенда. Это тяжелее короны. — Тогда скажи это им, — прошептала Лиора. — Они не слышат правду от мертвых, — отозвался Каэль. — Только от тех, кто еще дышит.

Лиора подошла ближе и начала петь. Первая часть песни была мягкой, как похоронный напев для ребенка: не запрет, а утешение. Она пела о доме, который не рушится оттого, что из него уходит мать; о земле, которая не становится сиротой, если отпустить имя в глубину; о любви, которая не держит за горло. Отражения на берегу дрогнули. Несколько теней осели в воду и исчезли. Но самые старые, самые настойчивые, наоборот, потянулись к Сарет с яростной жадностью.

Тогда Каэль поднял руку. Вода под королевой стала темной, почти зеркальной, и Лиора увидела под поверхностью целый лес из привязей: золотые нити, семейные клятвы, печати на костях, освященные ленты, детские обещания у гроба. Люди веками вплетали в них свою боль и называли это верностью. Лиора внезапно задохнулась от отвращения. Она поняла, сколько раз в Верхнем мире сама слышала подобные слова на похоронах и считала их красивыми.

— Пой глубже, — сказал Каэль. — Не для нее. Для тех, кто не умеет отпускать. — Ты требуешь невозможного. — Именно поэтому я привел тебя.

Она запела вторую песнь — уже не успокаивающую, а правдивую. Голос пошел по воде, как нож по шелку. Отражения живых начали рассыпаться. Кто-то плакал, кто-то кричал, кто-то проклинал королеву за неверность. Лиора не остановилась. Сарет закрыла глаза, и ветви ее короны впервые замерли. Когда последняя золотая привязь лопнула, королева выпрямилась и глубоко вдохнула так, будто впервые за столетие получила воздух. Из ее груди поднялся светлый обруч — Первый Венец. Каэль принял его ладонью, и на мгновение все вокруг стихло, как после честно сказанного слова.

Сарет подошла к Лиоре и коснулась ее лба прохладными пальцами. — Ты думаешь, что сражаешься со смертью, девочка, — сказала она. — На самом деле ты сражаешься с человеческой жадностью. Это почти безнадежнее. — После чего ступила в реку и ушла в глубину без страха. Лиора смотрела ей вслед так долго, что заметила только в самом конце: Каэль держал Первый Венец не как трофей, а как возвращенную кость мира.

Глава 16. Девять тронов

Возвращение в Град Последних Имен оказалось вовсе не триумфом, а судом. Едва лодка коснулась пристани, Истару сменили стражи в масках кости. Они проводили Лиору и Каэля не к покоям, а прямо в Зал Девяти Судов — круглый, высокий, выстланный черным стеклом, под которым двигались тусклые огни, словно в полу текла медленная река. Девять тронов теперь были заняты.

Судьи выглядели по-разному, и это пугало сильнее, чем если бы они были одинаковыми. Один казался стариком с лицом, покрытым письменами. Другая — женщиной без глаз, в венце из тонких костей птиц. Третий носил юношеское лицо, слишком прекрасное для живого и слишком бескровное для мертвого. Лиора поняла, что они не только правят доменами Нокта. Каждый из них воплощает форму конца: забвение, насилие, мир, долг, тоску, честь, вину, болезнь и милость.

— Первый Венец возвращен, — сказал Каэль, занимая место не на троне, а перед ними. — Переход Сарет завершен. — И все же ты привел в Зал живую, — ответила судья без глаз. Голос ее звенел, как нож по стеклу. — Ты ведешь ее по доменам без общего решения. — Я веду ее по закону, который старше наших сомнений. — Сомнения чаще спасают царства, чем любовь, брат мой, — мягко заметил юный судья.

Лиора ожидала, что Каэль осадит их одной властью, но он не сделал этого. Он говорил с ними как равный с равными, и от этого напряжение в зале стало почти физическим. Она вдруг поняла: даже Король Мертвых не правит Ноктом как тиран. Он держит его на весу постоянным согласием сил, каждая из которых может однажды отказаться.

— Пусть живая ответит, — сказал старик в письменах. — Ты пришла сюда ради одной души. Почему нам следует верить, что ради нее ты не разрушишь тысячи? — Потому что я уже видела, как живые делают это без всякой любви, — сказала Лиора раньше, чем успела испугаться. — На Берегу Эха потомки королевы не спрашивали ее воли. Они называли это преданностью. В моем мире храмы называют милосердием то, что делает с бедными отбором. Если я и опасна, то только потому, что слишком хорошо знаю цену такой лжи.

Слова отозвались в стеклянном полу дрожью света. Судьи замолчали. Не от восхищения — от интереса. Лиора поняла, что для мертвых правда ценнее красоты, и это неожиданно придало ей смелости. — Я не клянусь, что не захочу спасти сестру любой ценой. Захочу. Но именно поэтому мне нужен тот, кто остановит меня, если цена станет миром. — И ты выбрала для этого Короля Мертвых? — спросила женщина без глаз. — Нет, — ответила она. — Это он выбрал меня. Мне пока только остается решить, зачем.

В углу зала кто-то тихо усмехнулся. Каэль не повернул головы, но Лиора увидела, как едва заметно дернулась линия его рта. Если это и была похвала, то самая скупая из возможных. Судьи посовещались не словами, а светом: над их головами вспыхивали тонкие знаки, гасли и снова собирались в узор.

— Идите в Сады Несбывшегося, — произнес наконец старик. — Там лежит Второй Венец, и там живой легче всего спутать жалость с гордыней. Если она вернется прежней, мы признаем, что в ней действительно есть нужное основание крови. — Какой крови? — резко спросила Лиора. Но отвечать ей никто не стал.

Когда зал опустел, она догнала Каэля уже в коридоре. — Ты знал, что они заговорят о моей крови. — Знал. — И не собирался предупреждать. — Если бы я сказал раньше, ты решила бы, что это еще один повод мной манипулировать. — А это не повод? — Это правда. Иногда правда и есть самая опасная манипуляция.

Лиора остановилась у узкого окна, где вместо стекла шло медленное мерцание чужих имен. — Тогда начни с простой части. Что они имеют в виду? Каэль какое-то время молчал,

потом ответил: — В твоём роду уже была певица, чья песнь однажды удержала мир от распада. И за это ей пришлось заплатить тем, чего не переживают даже боги. Сады покажут тебе больше, чем я имею право сказать.

Глава 17. Сады Несбывшегося

Сады Несбывшегося располагались не среди стен, а за ними, в широкой долине, где вместо деревьев росли прозрачные стебли, а вместо цветов под ветром раскрывались световые чаши. В каждой чаше жила несбывшаяся возможность: нерожденный ребенок, незаконченная клятва, дом, который так и не построили, письмо, которое никто не решился отправить, дорога, на которую не ступили. Это место не было жалобным. Именно это и поражало. Оно было бесконечно тихим и почти красивым, как кладбище тех жизней, которым не позволили стать реальностью.

— Здесь не все мертвы в привычном смысле, — сказал Каэль, пока они шли между световыми стеблями. — Некоторые души приходят сюда прежде, чем попасть в иные области. Некоторые возможности умирают еще до рождения человека, которому могли принадлежать. Нокт хранит и это. — Ты хранишь много боли, — ответила Лиора. — Я храню то, что иначе станет пустотой. Это не одно и то же.

Второй Венец был связан с мальчиком по имени Терн, последним наследником рода, вырезанного задолго до его взросления. Его тело умерло в осаде, но душу живая бабка удержала здесь через кровавый обет: она не позволила роду исчезнуть полностью и обратила внука в вечное ожидание. Терн выглядел лет на двенадцать, сидел на каменной ограде высохшего фонтана и терпеливо кормил ладонью белых птиц, которых на самом деле не существовало.

— Если я уйду, имени не останется, — сказал он Лиоре без особой печали. — Бабушка говорила, что без имени люди пропадают дважды. — А ты сам чего хочешь? — Хочу перестать ждать, что кто-то доживет за меня. Но это звучит неблагоприятно, верно?

Лиора опустила рядом. Рядом с Терном ей было особенно трудно. В нем слишком легко угадывались тысячи бедных детей Верхнего мира, которые становились заложниками чужой памяти раньше, чем успевали стать собой. Она поняла, что в Садах Несбывшегося самое опасное — не тоска, а искушение утешить. Утешить любой ценой, даже если это означает солгать. Сказать: да, подожди еще, однажды все, кого ты любил, вернуться. Но Лиора уже видела на Берегу, как ложь выглядит через столетия.

Она спела для Терна короткую песню не о матери и не о бабке, а о самом праве не продолжать чужой долг. Каэль стоял поодаль, давая ей говорить голосом, а не его властью. И все же, когда из глубины сада поднялась тень старой женщины в тяжелом черном чепце и закричала, что внука у нее отбирают, именно Каэль сделал шаг вперед. — Ты продлила род не жизнью, а застойной мукой, — сказал он. — Отпусти. — Я дала ему бессмертие! — Ты дала ему клетку, которую сама зовешь фамилией.

Тень кинулась к Лиоре, и та впервые увидела, как в царстве мертвых ярость может быть плотнее тела. От столкновения ее спас Каэль: его ладонь легла тени на грудь, и та разошлась черной пылью. Он не был жесток в этом движении. Скорее неумолим. Терн поднял на Лиору сухие взрослые глаза ребенка и тихо сказал: — Если я пойду, спой так, чтобы меня не жалели слишком долго.

Когда Второй Венец вышел из его груди, он оказался не обручем, а тонкой серебряной ветвью, свернувшейся кругом. Лиора приняла ее вместе с Каэлем — на этот раз он не отстранил ее руку. Их пальцы соприкоснулись на холодном металле, и по серебряной нити сделки пробежал жар, совсем не похожий на магию смерти. Лиора резко вдохнула. Каэль посмотрел на нее так, будто тоже заметил перемену и не собирался делать вид, что нет.

Уходя из садов, она оглянулась. На месте Терна уже рос новый прозрачный стебель. Внутри него мерцала не фигура мальчика, а дорога, уходящая в белый туман. — Это и есть конец? — спросила она. — Нет, — ответил Каэль. — Это только момент, когда конец перестает быть насилием. — И Лиора не сразу нашла, что возразить.

Глава 18. Те, кто не успели проститься

На пути обратно из Садов Несбывшегося Каэль свернул не к Граду, а на запад, туда, где долина Нокта сужалась между двумя светлыми скалами. Лиора сначала решила, что это очередное испытание Судей, и уже приготовилась спорить. Но дорога постепенно сама объяснила свой смысл. По обеим сторонам тропы стояли люди — не мертвые в привычном человеческом представлении, а души, застывшие в одном последнем движении. Кто-то тянул руку к двери, которую не успел открыть. Кто-то прижимал к груди письмо. Молодая женщина держала на руках невидимого младенца. Старик все еще поднимал голову, будто собирался сказать сыну что-то важное, но слова застряли у него в горле вместе с последним вдохом. Здесь не было ни плача, ни угрозы. Только то страшное, тихое напряжение, которое остается, когда жизнь оборвали слишком резко и разум еще не успел поверить в это.

«Долина Несказанных Прощаний», — произнес Каэль. «Здесь не пленники. Их держит незавершенность. Это не Венец и не приказ Судей. Но если ты хочешь дойти до Миры и не превратить любовь в клетку, тебе надо увидеть и это». Лиора не ответила. Она уже шла между застывшими фигурами, чувствуя, как чужая незавершенность цепляется за сердце. Ее дар реагировал на это место особенно болезненно: каждый обрывок последней мысли, каждое не сказанное слово отзывались в ней короткими вспышками образов.

У одной из белых скал на низкой скамье сидел молодой мужчина в дорожном плаще. В его ладони лежало обручальное кольцо, а губы были чуть приоткрыты, словно он до сих пор собирался позвать кого-то по имени. «Он умер на перевале в час пути от собственного дома, — сказал Каэль. — Несчастный случай, снег, обвал. Его жена рожала в ту ночь. Он застрял здесь тринадцать лет, потому что все еще хочет сказать ей, что не уходил добровольно». Лиора опустилась рядом. Мужчина посмотрел на нее с такой простой, человеческой надеждой, что ей стало больнее, чем в Садах. Не власть, не культ, не ложь — просто обычная жизнь, оборвавшаяся на полуслове. Такую боль особенно трудно не сделать святыней.

Она попробовала петь ему мягко, как ребенку или старому человеку. Не сработало. Тогда сказала вслух, уже почти сердясь: «Она давно знает, что ты не ушел сам. Держит тебя не обида. Просто она не умеет закончить разговор, который жизнь оборвала за нее». Мужчина вздрогнул, словно его ударили не жестокостью, а правдой. Каэль молчал и не вмешивался. Лиора поняла: в этой долине петь мало. Здесь нужен язык, которым живые разговаривают о тех вещах, которые предпочли бы назвать судьбой.

Они шли дальше почти до темноты Нокта, если здесь вообще можно было говорить о темноте как об отдельном часу. По дороге Лиора встретила старуху, так и не простившую сына перед собственной смертью, и мальчика, не успевшего показать отцу новую деревянную игрушку. Каждому требовалось разное: одному — память, другому — разрешение, третьему — просто услышать, что последнее слово не обязано быть сказано, чтобы любовь была настоящей. К вечеру голос у Лиоры сел, а душа стала похожа на избитую птицу. И все же долина медленно менялась. Застывшие фигуры начинали дышать свободнее, плечи расправлялись, лица теряли напряжение ожидания.

У самой западной стены долины они нашли девушку, почти ребенка, сидящую в платье невесты на корнях белого дерева. На ее коленях лежал высохший букет. «Я умерла по дороге к храму, — сказала она прежде, чем Лиора успела спросить. — Лошадь понесла. Все решили, что это дурной знак, и жених женился на моей сестре через год. Я не злюсь. Я просто все еще не знаю, кто я после того, как не стала его женой». В этих словах было не горе, а пугающая пустота человека, лишенного не только жизни, но и будущего времени. Лиора узнала в ней десятки девушек Верхнего мира, чьи судьбы и так строились вокруг чужих имен. Ей захотелось

обнять эту мертвую девочку как живую, но Каэль едва заметно качнул головой. Здесь нельзя было утешать телом. Только правдой.

«Ты не только невеста, которая не дошла до храма, — сказала Лиора. — Ты та, кого любили и не сумели спасти. Та, чья сестра потом жила дальше. Этого достаточно. Тебе не нужно быть призраком несостоявшегося брака». Девушка долго молчала. Потом подняла сухой букет, разжала пальцы, и лепестки рассыпались светом. Вместе с ними исчезло и белое дерево. На его месте открылась узкая тропа вниз, к реке. «Видишь?» — тихо сказал Каэль, когда они остались одни. «Людей не всегда держат только чужие руки. Иногда их держит образ себя, которым они не успели стать». Лиора посмотрела на него и поняла, что он говорит не только о мертвых. Он говорит и о ней. О ней как о сестре, певице, женщине, которая уже начала любить короля тьмы и еще не знает, кем будет после всего этого.

Ночью, возвращаясь к Граду, они шли так близко, что край его плаща касался ее ладони. Ни один из них не делал шага навстречу, но расстояние между ними больше не было прежним. После долины Лиора вдруг особенно ясно ощутила, как опасно откладывать важное на потом. Никто не гарантирует потом. Никто не даст еще одну ночь, если мир решит рваться быстрее. «Если я не успею сказать Море все, что должна...» — начала она. Каэль перебил не словом, а взглядом. «Тогда скажешь главное. Этого почти всегда хватает тем, кто действительно любит». Простая мысль, но в его устах она прозвучала как древний закон. И Лиора впервые захотела поверить, что закон не всегда равен жестокости.

На обратном пути Каэль впервые сам заговорил о тех, кого не успели простить при нем. Он рассказал не о великой любви и не об Астарее, а о совсем давнем времени, когда еще не был королем и не умел различать закон и жестокость. Тогда он однажды не позволил душе мальчика вернуться на миг к матери, потому что боялся прецедента и цепляния живых. Мать сошла с ума, а мальчик еще долго блуждал у порога, не понимая, почему порядок так похож на равнодушие. «С тех пор, — сказал Каэль, — я всегда сомневаюсь, когда речь идет не о системах, а о единичном сердце». Лиора ничего не ответила. Но именно после этой исповеди поняла, что его холод построен не на отсутствии вины, а на слишком долгой памяти о ней.

Глава 19. Ночь в черном дворце

После Садов Нокт изменился не внешне, а в ее восприятии. Тот же черный камень, те же мосты, те же башни Града Последних Имен, похожие на свечи из темного воска, теперь больше не казались Лиоре только враждебными. Она начала замечать, что в этом царстве многое создано не для страха, а для бережности: негромкие лампы у лестниц, широкие перила на мостах над рекой, тихие комнаты ожидания для душ, не понимающих, что с ними произошло, и даже сады из белых трав у внешней стены, где мертвые сидели в молчании, как живые люди после тяжелой вести.

Вечером Истара принесла ей новую одежду: платье из мягкой черной ткани без шнуровки, с длинными рукавами и разрезом по бедру. — Король просил прийти на верхнюю террасу, — сказала она. — Просил? — переспросила Лиора. — Не приказал? — Истара позволила себе уголок улыбки. — В Нокте разница существует. Особенно когда речь идет о вас.

Терраса была открыта ветру. Ниже лежал город, и имена над его крышами текли серебряным дождем. Каэль стоял у каменного парапета и, кажется, знал, что она пришла, раньше, чем услышал шаги. Рядом с ним на низком столике ждали два бокала с темным напитком, пахнувшим не вином, а чем-то между гранатом, дымом и холодной мятой. — Это не опьянит тебя, — сказал он. — Но немного смягчит шум Нокта в голове.

— У тебя на все есть средство, — сухо заметила Лиора, беря бокал. — На все, кроме мира живых. — На него у меня слишком мало власти. Поэтому ты здесь. — И поэтому ты смотришь на меня так, будто я уже часть твоего царства? Вопрос вырвался сам, и обратно дороги у него уже не было. Каэль не отвел взгляда. — Я смотрю на тебя так, будто ты вошла туда, куда давно никто не входил по собственной воле.

Некоторое время они говорили почти спокойно: о Береге, о мальчике Терне, о том, почему Девять Судей терпят друг друга, хотя каждый похож на отдельную форму катастрофы. Потом разговор оборвался сам собой. Ветер сдвинул прядь у лица Лиоры, и Каэль протянул руку — слишком медленно, чтобы это можно было принять за случайность, — убрал волосы ей за ухо и не сразу отнял пальцы. Прикосновение было прохладным, но не мертвым. От него по спине пошла дрожь, больше похожая на предчувствие, чем на страх.

— Это тоже часть сделки? — спросила она, и собственный голос показался ей чужим. — Нет. — Тогда не делай так, если не собираешься... — она замолчала. — Если не собираюсь чего? — Если не собираешься довести это до правды. На последних словах она уже смотрела ему прямо в лицо, почти сердясь на себя за откровенность. Каэль, наоборот, стал еще тише. — Ты не должна расплачиваться телом за помощь, Лиора. — А если я не расплачиваюсь? Если я выбираю?

Она сама сократила расстояние между ними. Первый поцелуй в эту ночь не был ритуалом и не пах склепом. Он был медленным, удивительно бережным и от того трудным. Лиора чувствовала, как Каэль сдерживается даже в движении губ, словно дает ей пространство передумать в любой миг. Это раздражало и сводило с ума сильнее, чем грубость. Она вцепилась пальцами в его плечи, прижалась ближе и шепнула прямо в поцелуй: — Хватит быть благороднее, чем я сейчас могу вынести.

После этого Каэль перестал притворяться, что не хочет ее. Он поднял ее на руки так легко, будто вес Лиоры значил не больше плаща, и внес внутрь, в темную комнату за террасой, где горело только одно белое пламя. На широкой постели из черного дерева он на мгновение остановился, касаясь ее лица, горла, плеч так, словно запоминал. Лиора сама стянула с него плащ, потом рубашку, и впервые увидела его тело без легенды вокруг: сильное, бледное, отмеченное тонкими светлыми шрамами, как будто даже бессмертие не проходит без следов.

Это был уже не поцелуй, а секс — не ритуальный, не оправданный договором, а выбранный ими обоими. Лиора чувствовала это в каждом его движении: Каэль не брал власть, хотя власть была в нем как дыхание. Он останавливался всякий раз, когда ее пальцы замирали на его коже, и продолжал только тогда, когда она сама тянула его ближе. От такой осторожности желание становилось не слабее, а острее, трудным: ей хотелось не быть спасенной, не быть защищенной, не быть святой певицей у края мира, а просто женщиной, которая может захотеть и не просить у страха разрешения.

Она легла под ним сама, раскрываясь навстречу его рукам, и на несколько мгновений перестала думать о смерти, Мире, Колоколе, Судьях и цене каждого вдоха. Было только его тело — холодное снаружи и живое под кожей, тяжелое, внимательное, сдержанное до дрожи. Он целовал ее шею, грудь, живот, спускался ниже так медленно, будто учился читать ее не голосом, а дыханием. Когда Лиора выгнулась, не удержав стон, серебряная нить договора на ее запястье вспыхнула, но на этот раз не приказом и не болью. Она отозвалась удовольствием, которое не принадлежало ни Нокту, ни Верхнему миру, а только им двоим.

— Скажи, если остановиться, — произнес Каэль хрипло, уже почти теряя ту древнюю неподвижность, за которой прятался веками. Лиора посмотрела на него снизу вверх и сама обвила его бедра ногами. — Нет. Сейчас не смей. Он вошел в нее медленно, давая телу привыкнуть к нему, и Лиора резко вдохнула, вцепившись пальцами в его спину. Боль была короткой, почти сразу растворившейся в жаре и тесноте, в ритме, который они нашли не сразу, а через паузы, шепот, неровное дыхание и то странное доверие, которое рождается только там, где один может причинить другому вред и сознательно выбирает бережность.

Потом осторожность уже не исчезла, но стала глубже, темнее. Каэль двигался в ней с нарастающей силой, и Лиора отвечала ему всем телом, не пряча ни голоса, ни желания. — Смотри на меня, — тихо сказал он, и она подняла глаза. В его лице не было победы. Было почти болезненное внимание, будто каждое ее движение становилось для него законом важнее всех законов Нокта. От этого напряжение внутри нее сорвалось: оргазм пришел не как падение, а как волна, которую наконец разрешили прожить до конца. Она вскрикнула ему в рот, и в этот миг серебряная нить между ними вспыхнула так ярко, что белое пламя в комнате на секунду стало черным.

Позже, когда он закончил и, тяжело дыша, уткнулся лбом в ее шею, Лиора лежала неподвижно, чувствуя странную смесь облегчения и паники. В голове не было красивых слов. Только одна опасная ясность: она захотела его не потому, что он король, не потому, что нужен ей, и не потому, что между ними сделка. Она захотела именно его. Каэль, будто угадав ход ее мысли, тихо произнес: — Завтра ты можешь пожалеть. Я приму это. — Лиора провела ладонью по его волосам и ответила честнее, чем хотела: — Боюсь, я пожалею только о том, как быстро начала думать об этом как о чем-то, к чему можно привыкнуть.

Глава 20. Река Безымянных

Утром Нокт не дал ей ни секунды на стыд. Как будто царство мертвых знало: чем дольше живой человек остается наедине с мыслями после чужих рук, тем сильнее начинает путать желание с уязвимостью. Истара принесла воду, темное платье и короткое послание от Каэля, в котором было всего четыре слова: «Третий Венец ждет на реке». Никаких объяснений. Никакой неловкости. И Лиора неожиданно почувствовала благодарность именно за эту строгость.

Река Безымянных была уже не тихой, как Берег Эха, а почти беспощадной. Здесь вода текла быстро и густо, в ней мелькали белые черепки света, а на обоих берегах стояли каменные столбы без надписей. — Тут оказываются те, чьи имена стерли еще при жизни или сразу после смерти, — сказал Каэль. — Государства любят эту магию. Если человека нельзя оплакать по имени, им легче распоряжаться.

Третий Венец держала не семья и не клятва, а имперская канцелярия Верхнего мира. Когда-то они выкрали у Нокта душу юного переписчика Иара, который нашел доказательства массового стирания имен в прибрежных провинциях. Его убили как вора, а потом вырезали из всех книг даже сам факт его существования. Душу же приковали к реке печатью безымянности, чтобы она вечно питала второй круг механизма Колокола. Лиора слушала и чувствовала, как внутри растет холодный гнев. Оказалось, у храмов воруют не только жизнь и бедность. Они воруют даже право быть названным.

Иар оказался совсем не тем, кого она ожидала увидеть. Не мстительным призраком и не печальным мальчиком, а сухим, смешливым юношей в выцветшей ученой мантии. Он сидел на коряге посреди течения и, заметив их, сказал: — Если вы пришли спросить, кто я, боюсь, это уже философия, а не знакомство. — Я пришла вернуть тебе имя, — ответила Лиора. — Слова красивые, — сказал он. — Обычно после них начинается новое насилие.

Чтобы освободить Иара, Лиоре пришлось петь не для памяти, а против системы, которая строится на пустых местах. Она звала его по тем именам, что приходили из воды: имя матери, имя улицы, где он родился, имя учителя, имя первой девушки, которая вытерла чернила с его пальцев. С каждым названным словом один из пустых столбов начинал трескаться. Каэль стоял в реке по колено, удерживая поток силой своей воли, и Лиора видела, как вода темнеет вокруг него, будто сама смерть напрягается до предела.

Но в последний момент на другом берегу появились люди в солнечных масках — не живые, а отпечатки их магии. Они произнесли формулу стирания, и река взбесилась. Лиора почти потеряла голос. Каэль рванулся к ней, но она успела первой: шагнула прямо в воду, холодную до боли, и схватила Иара за руку. — Скажи мне сам, — крикнула она. — Как тебя звали, пока они не украли это? Иар посмотрел на нее так, будто не верил, что кто-то вообще задает этот вопрос правильно. — Иарас Дейн, — произнес он. Имя ударило по реке как гром.

Третий Венец вспыхнул у них под ногами, а все пустые столбы сразу покрылись трещинами. Отпечатки солнечных магов растворились. Каэль схватил Лиору за талию и вытащил на берег прежде, чем поток успел утянуть обоих глубже. Они упали в мокрую траву почти вместе, и несколько секунд просто смотрели друг на друга. Ее сердце колотилось так яростно, что больно было дышать.

— Ты могла исчезнуть в реке, — сказал Каэль. В его голосе впервые слышался не холодный упрек, а чистый страх. — А ты мог, — ответила она. — Но мы оба этого не сделали. — Не путай удачу с правом рисковать собой. — Не путай заботу с правом запрещать мне быть полезной. — Он хотел ответить резче, но в этот миг Иар уже поклонился им с береговой кромки, наконец цельный, названный и свободный.

Когда они возвращались в лодке, Лиора сидела, завернувшись в плащ Каэля. Плащ пах холодом, металлом и чем-то темным, что теперь слишком легко связывалось у нее с ночью

на черной постели. Они молчали. Но молчание уже не было прежним. В нем жило знание о том, как именно один может дотронуться до другого — и как быстро это делает любую угрозу более личной.

Глава 21. Двор мертвых

Пока они возвращали Венцы, двор Нокта успевал наполняться слухами быстрее, чем живой город в базарный день. Лиора поняла это на третьи сутки после Реки Безымянных, когда двое стражей, слишком юных по лицу и слишком древних по голосу, при ее появлении резко замолкли. Потом она услышала обрывки уже открыто: «певица из крови», «избранница короля», «новая ошибка милости», «повторение древнего». Никто не называл ее по имени. Это раздражало сильнее любой враждебности.

На общем приеме у Девяти Судей, устроенном якобы в честь возвращения трех Венцов, напряжение стало явным. В длинном зале из темного стекла подавали не пищу, а чаши памяти: каждый пил то, что мог перенести. Перед Лиорой поставили тонкий бокал, в котором мерцал светлый медовый отблеск. Она пригубила и с неожиданной ясностью вспомнила мать — не больную, не мертвую, а смеющуюся на летней ярмарке. От такого дара хотелось одновременно плакать и разбить бокал о пол.

— Нокт умеет быть щедрым, — заметила сидевшая рядом судья Милости, высокая женщина с лицом слишком молодым для ее взгляда. — Но чаще всего щедрость здесь путают с уступкой. Вам стоит помнить разницу. — Мне кажется, в вашем царстве слишком многое путают, — ответила Лиора. — Например, осторожность со страхом. — А желание — с повторением судьбы, — вмешался другой голос.

Эти слова произнес судья Вины, сухой мужчина в серой мантии. Он смотрел не на нее, а на Каэля. И только тогда Лиора поняла, что весь зал видел между ними что-то еще до того, как они сами решились назвать это вслух. Каэль поставил чашу на стол так тихо, что в этой тишине прозвучала угроза. — Скажи ясно, брат. — Я говорю ясно: живая певица уже однажды стояла у твоего трона, и мир до сих пор помнит цену твоей слабости.

Слова ударили сильнее, чем если бы Лиору ударили ладонью. Она смотрела на Каэля, ожидая немедленного ответа, но он медлил. Этого мгновения хватило, чтобы весь зал понял: прошлое действительно существует и оно не выдуманно. Судья Милости поднялась первой. — Довольно, — сказала она. — Если кому-то хочется развязать старые могилы прямо за столом, пусть делает это без молодых женщин, не посвященных в нашу грязь. — Однако поздно было делать вид, что грязи нет.

Ночью Лиора не пошла в свои комнаты. Она нашла Каэля в архивной галерее, где вдоль стен стояли тысячи каменных пластин с именами. Он стоял к ней спиной, будто заранее знал, что разговор будет не для лиц. — Кто она была? — спросила Лиора без приветствия. — Та, о которой они говорят. — Женщина, которую я любил. — Ты говоришь это так спокойно? — Нет. Я говорю это так, чтобы не разрушить зал вокруг нас.

Она подошла ближе. — Она тоже была из моего рода? — Да. Но не только поэтому ты здесь. — А почему тогда? — Потому что твой голос делает то, чего не делал никто после нее: он не только зовет души. Он слышит закон между жизнью и смертью, как музыку. И потому Судьи боятся не тебя саму, а того, что мир снова потребует от нас старой цены.

Лиора хотела сказать, что не собирается платить за чужие ошибки, но в горле застрял другой вопрос. — Ты видишь во мне ее? — Каэль наконец повернулся. На его лице не было привычной ледяной власти, только усталость, которая у бессмертного выглядела страшнее ран. — Иногда я вижу сходство. Но желание, которое я испытываю к тебе, не память. Если бы это была память, было бы намного проще.

Она ушла прежде, чем разговор стал еще честнее. Уже в коридоре Лиора поняла: двор мертвых опасен не тем, что здесь много старых тайн. Опасен тем, что каждая из них уже живет в чем-то теле, а значит, однажды непременно попросит продолжения.

Глава 22. Дом Утонувших Клятв

Четвертый Венец привел их к западным пределам Нокта, где стоял Дом Утонувших Клятв. Это был не дом, а целый остров из черного камня, окруженный неподвижной водой. На его стенах висели цепи колокольчиков, но ни один не звенел: здесь тишина была частью наказания. Каэль сказал, что сюда попадают клятвы, произнесенные на любви, страхе и власти, если они переживают самих клявшихся. Самые опасные из них способны держать душу крепче могилы.

На острове их ждала история женщины по имени Элса, жены военачальника из старой Империи. Муж поклялся, что и после смерти не отпустит ее от своего дома, потому что только она знала тайник с казной и список его союзников. Он умер первым. Потом умерла она. И уже двести лет Элса стояла на пороге пустого дома, охраняя золото, никому больше не нужное. Лиора слушала и думала, сколько женских жизней в Верхнем мире проживается как клятва, выгодная кому-то другому.

Элса встретила их не покорно. Она была высокой, резкой и красивой той сухой красотой, что появляется после долгих лет без права на слабость. — Я знаю, зачем вы пришли, — сказала она. — Но пока я стою здесь, он все еще не победил меня окончательно. Если уйду, значит, все это было зря. — Нет, — ответила Лиора. — Если останешься, значит, он все еще распоряжается тобой. Даже после своей смерти.

Это оказалась самая трудная душа из четырех. Не потому, что привязь была сильнее, а потому, что сама Элса принимала свою цепь за форму достоинства. Каэль молчал дольше обычного, позволяя Лиоре говорить первой. Та пыталась мягкостью, прямоотой, даже злостью. Ничего не помогало. Тогда она сделала то, чего не ожидала от себя: рассказала Элсе о Мире. О том, как легко старшая сестра привыкает считать себя щитом и как быстро любовь превращается в приказ оставаться рядом. — Я не хочу быть тюрьмой даже для тех, ради кого умерла бы, — сказала Лиора. — И не хочу, чтобы кто-то любил меня так же. Это не честь. Это просто красивая клетка.

Слова подействовали не сразу. Но когда из глубины дома донесся старый мужской голос, требующий, чтобы Элса молчала и стояла на месте, женщина впервые вздрогнула не от подчинения, а от усталости. Она обернулась к тьме за порогом и тихо произнесла: — Я хранила не тебя. Я хранила последний способ не признать, что ты забрал мою жизнь раньше смерти. — После этого вошла внутрь сама. Из дома поднялся глухой звон, словно где-то лопнула ржавая цепь.

Четвертый Венец был самым тяжелым. Когда он лег в ладонь Каэля, Лиора почувствовала, как в воздухе изменилась плотность. Мир словно сдвинулся еще на полшага к опасной правде. Но и цена этого шага оказалась выше: из темной воды острова стали подниматься тени клятв, не желающих умирать. Они шли к Лиоре, шепча голосами ее матери, Миры, даже ее собственной речью. «Я всегда буду рядом. Я никогда тебя не оставлю. Я умру вместо тебя. Ты должна остаться».

Лиора почти поддалась. Не словам, а тону, в котором они звучали. Каэль вырвал ее из этого наваждения одним жестким поцелуем — не любовным, а спасительным, как удар сердца. Холод его рта рассек чужие голоса, и мир вернулся на место. — Не слушай клятвы, если в них нет свободы, — сказал он, не отпуская ее лицо. — Даже если они звучат как голос тех, кого ты любишь. Особенно тогда.

Они уехали с острова молча. Но тишина на этот раз была тяжелее обычного. Лиора знала: где-то между Четвертым Венцом и этим поцелуем спасения Нокт окончательно перестал быть для нее только чужой страной. Он стал местом, которое меняет язык ее сердца, а значит, однажды потребует ответа, кому оно принадлежит.

Глава 23. Лабиринт вины

После Дома Утонувших Клятв Лиора ожидала от Нокта любой новой жестокости, но не той, что встретила их у подножия северной башни. Там не было ни темных вод, ни судей, ни цепей. Только высокий вход в лабиринт, сложенный из зеркально-гладкого камня, и надпись на древнем языке, которую Каэль перевел не сразу: «Здесь человек слышит то, что давно говорит себе сам». Лиора хотела отказаться. Вина — слишком удобное оружие для царства мертвых, подумала она. Но Каэль сказал, что в этот домен ее никто не отправлял. Он привел ее сюда по собственной воле. «Солнечный двор станет питаться твоей виной так же жадно, как питается скорбью. Лучше встретить ее здесь, пока она еще не носит чужое лицо».

Лабиринт не нападал. Это делало его страшнее. Сначала коридоры казались пустыми, почти аскетичными. Потом камень начал отражать не тела, а образы. Лиора увидела смех Миры на молу, увидела мать, уносящую из печи хлеб, увидела себя маленькой, злой на весь свет за то, что отец утонул. Все эти картины жили несколько ударов сердца, а затем менялись на другие — те, которые она обычно прятала даже от самой себя. Вот она раздраженно отмахивается от Миры, потому что устала после трех похорон подряд. Вот думает, что красный платок сделает сестру слишком заметной, и ничего не делает, чтобы запретить ей носить его силой. Вот втайне радуется, что сама слышит мертвых, а Мира — нет: значит, хотя бы одна из них проживет проще. Каждая такая мысль возвращалась к ней не как воспоминание, а как обвинение.

В середине лабиринта их разделило. Каэль заранее предупреждал, что так будет, но предупреждение не облегчило удар. Стены вдруг сомкнулись, проход сузился, и Лиора осталась одна перед зеркалом в рост человека. В нем стояла она же, только старше, усталей, с пустыми руками и лицом женщины, у которой давно нет сестры, потому что она сама научилась жить поверх этой утраты. Отражение заговорило первым. Голос был ее собственный. «Ты всегда думала, что защищаешь Миру, — сказала оно. — На самом деле ты только заставляла ее жить вокруг твоего страха». Лиора шагнула вперед, почти желая разбить зеркало, но в ту же секунду стекло превратилось в воду, и из нее вышли новые сцены: Мира, скрывающая усталость, чтобы не тревожить старшую сестру; Мира, отказывающаяся от лишнего куска хлеба; Мира, смеющаяся нарочно, когда Лиора чересчур хмура. Это было не ложью. А потому особенно больно.

Она выбралась из первого круга лабиринта только тогда, когда перестала спорить с каждой картиной и признала вслух: да, я любила ее и все равно заставляла ее подстраиваться под мою боль. Камень под ногами сразу потеплел. Но второй круг оказался страшнее. Там ее ждала не вина перед Мирой, а вина перед собственным даром. Лиора увидела людей, которым пела на похоронах, и каждого из них сопровождала мысль, мелькнувшая у нее когда-то тайком: что одни смерти честнее других, что по некоторым плачется легче, что кто-то сам виноват в своей гибели, а кто-то слишком беден, чтобы его смерть даже звучала по-настоящему. Она не была злой — просто уставшей, жесткой, слишком давно живущей рядом с концом. Но лабиринт не интересовали оправдания. Его интересовала только правда.

Когда Каэль наконец нашел ее в третьем круге, Лиора сидела прямо на камне, обхватив колени, и не пыталась скрыть слез. Он не заговорил сразу. Просто сел рядом на расстоянии ладони. Лишь спустя несколько мгновений спросил: «Что именно ты увидела?» Она ответила, не поднимая головы: «Что любовь не делает меня чистой. И горе тоже. Я тоже умею брать чужую жизнь и незаметно строить вокруг нее свой порядок». Каэль молчал так долго, что это уже стало ответом. Потом произнес: «Конец был бы жестоким местом, если бы милость полагалась только чистым. Я служу не чистоте, Лиора. Я служу правде после ошибки». Эти слова пришли к ней не утешением, а передышкой.

В центре лабиринта стояла чаша из темного стекла. Над ней дрожал маленький огонь, питаемый вовсе не магией, а признанной виной тех, кто сюда дошел. Каждый, кто приходил

сюда, должен был оставить не извинение, а ясное знание о том, чего уже не исправить. Лиора опустила в чашу свою кровь, выдавленную из ладони ногтями, и сказала: «Я не спасла ее вовремя. И я перестану считать, будто эта вина дает мне право владеть ее судьбой дальше». Огонь вспыхнул и стал ровнее. Каэль в этот момент не отвел глаз. Она поняла: для него важнее всего не то, что она чувствует, а то, умеет ли назвать это без лжи.

На выходе из лабиринта они столкнулись с маленькой душой мальчика, которого живые затравили как вора и который не мог перейти дальше, потому что умер, уверенный в собственной грязи. Рядом с ним проступила женщина, при жизни торговавшая краденым и внушавшая детям, что они рождены виноватыми. Лиора поняла тогда еще одну вещь: вина редко возникает из пустоты. Ее почти всегда выращивают те, кому выгодно, чтобы человек сам опустил голову. Она присела перед мальчиком на корточки и спросила, что именно он украл. Мальчик честно ответил: засохшие яблоки. Для сестры. Для голодного дня. Тогда Лиора спела не о прощении, потому что прощать было нечего, а о праве не называться грязным за попытку выжить. Женщина позади него осыпалась серой пылью, а мальчик впервые посмотрел на свои руки без ужаса. После этого он ушел к светлой тропе сам, не как оправданный преступник, а как ребенок, которому наконец вернули собственную невиновность.

Глава 24. Пустота Тишины

После Дома Утонувших Клятв Каэль не вернул ее в Град. Вместо этого он повел Лиору туда, о чем раньше упоминал только коротко и без желания. Путь шел через мосты все выше и дальше, пока под ногами не закончился привычный камень Нокта. Впереди лежало пространство без цвета, без звука и почти без формы, как будто кусок мира был вырезан и забыт заполнить заново. — Пустота Тишины, — сказал Каэль. — Здесь исчезают не тела и не души. Здесь стирается само право быть названным. Поэтому сюда я прихожу только тогда, когда правда уже дороже покоя.

Лиора не сразу поняла, что тишина здесь буквальна. Она открыла рот, чтобы спросить, зачем они пришли, и не услышала собственного голоса. Каэль взял ее за руку. Его прикосновение стало якорем. С ним звук вернулся, но только внутри узкого круга вокруг них. — Все, что скажешь здесь, будет стоять тебе больше, чем обычно, — предупредил он. — И все, что увидишь, уже не получится развидеть.

В центре пустоты стояла одинокая арка, собранная из белых костей или корней — Лиора не смогла понять. Когда они подошли ближе, воздух под аркой задрожал, и перед ней раскрылась чужая память. Сначала смутно: женщина в темном платье, длинные волосы, пальцы на горле мужчины. Потом яснее: голос такой силы, что от него замирает все вокруг. Мужчина — Каэль, но моложе лицом, не властью, а болью. Женщина оборачивается, и Лиора узнает в ней не себя, но родство. Та же линия скул, тот же цвет глаз, та же темная соль в голосе.

— Ее звали Астарейя, — сказал Каэль. — Она была из твоей крови. Не моей королевой и не моей пленницей. Моим равным бедствием. Мы любили друг друга в то время, когда живые впервые решили, что смогут использовать смерть как службу для империи. Солнечный Колокол был создан тогда, в первой своей форме. Чтобы остановить его, нужна была Великая Песнь. А чтобы Песнь сомкнулась, один из нас должен был позволить другому умереть.

Лиора смотрела, как память становится страшнее. Астарейя поет у огромного колокола из света и костей. Каэль держит вокруг нее границу, на которую обрушиваются души и пламя. Потом видение сжимается до одного момента: она поворачивается к нему, касается его щеки и говорит что-то, чего Лиора не слышит, но понимает всем телом. Это не просьба спасти. Это приказ отпустить. Следом приходит финальная нота, и женщина исчезает из мира так полно, будто ее никогда не существовало. Каэль остается один среди обрушившегося света.

— Ты не предал ее, — прошептала Лиора, когда память погасла. Слова дались тяжело, как будто и правда снимали с нее что-то живое. — Нет, — ответил он. — Но я пережил ее. Для некоторых это хуже предательства. Судьи помнят только одно: после той любви мир почти рухнул. Поэтому они боятся всего, что похоже на повторение. — А ты? — Я боюсь, что однажды снова посмотрю на женщину, которую люблю, и пойму: либо мир, либо она. Больше всего на свете я не хочу стоять в этой точке во второй раз.

Лиора сделала шаг к нему сама. Между ними не было поцелуя — только ее ладонь на его груди и его пальцы на ее запястье, там, где по-прежнему жила серебряная нить сделки. Впервые эта нить казалась не цепью, а шрамом, который оба носят одинаково. — Я не она, — сказала Лиора. — Я знаю. — Но ты смотришь на меня так, будто уже слышишь, чем это кончится. — Я смотрю так, потому что впервые за века хочу ошибиться.

В тишине Пустоты такие признания звучали как клятвы, которых никто не просил. Лиора поняла: именно здесь кончается их удобная ложь о «делке» и начинается нечто, чего нельзя будет отменить простым возвращением в Вейр. Она встала на носки и поцеловала его сама. Поцелуй был коротким и почти спокойным, но после него мир вокруг дрогнул. Пустота не любит, когда в ней выбирают жизнь.

Когда они уходили, на краю белой арки вспыхнул знак — тонкая линия, похожая на трещину в колоколе. Казль заметил ее сразу. — Это плохо, — сказал он. — Что? — Четыре Венца уже вернулись. Значит, та часть Колокола, которую удерживали ими, тоже начинает двигаться. Времени у нас меньше, чем я рассчитывал.

Глава 25. Сердечный архив

Они не успели вернуться к стенам Града, когда небо Нокта прорезал удар, похожий не на гром, а на раскалывающийся металл. Серебряные имена над крышами погасли на одно бие-ние, потом вспыхнули снова — уже неровно. Каэль остановился так резко, что Лиора едва не врезалась в него. Где-то далеко, за пределами царства мертвых, отвечал второй звук — солнечный, высокий, торжественный. Так, должно быть, и говорил Солнечный Колокол, когда его будили живые.

— Они ускорили ритуал, — сказал Каэль. В его голосе не было паники, но Лиора уже знала: именно отсутствие паники у него означает настоящую опасность. — Нам нужно в Сердечный архив. Сейчас. — Что это? — Место, где Нокт хранит соответствия между украденным и утраченным. Если Колокол начал откликаться раньше срока, я должен увидеть, какая душа стала его центральной осью.

Сердечный архив располагался под городом, глубже даже тех склепов, где Лиора впервые увидела Каэля в Верхнем мире. Они спускались долго, мимо рядов узких дверей, за которыми стучали неслышные сердца памяти. Наконец коридор вывел их в зал с тысячами подвешенных капсул из стекла и света. Внутри каждой бился крошечный огонь. Каэль касался их кончиками пальцев, и в воздухе вспыхивали имена, даты, способы смерти, формы кражи. Лиора смотрела, как системно и хладнокровно устроено царство конца, и понимала: если бы живые когда-нибудь увидели этот порядок, они бы возненавидели его именно за то, что он честен.

Потом Каэль нашел нужную капсулу. Она висела выше других, почти в самой темноте, и свет внутри нее был не белым, а золотистым. Лиора увидела имя раньше, чем он успел заслонить его рукой. МИРА АРДЕН. Несколько мгновений ей казалось, что воздух не только кончился, а сам мир отступил на шаг назад. — Нет, — сказала она. — Нет. Она же не у вас. Ты говорил... — Я говорил правду. Ее души нет в Нокте. Но нить соответствия показывает, куда ее вмуровали после похищения.

Он коснулся стекла, и в пространстве над капсулой раскрылась картина: огромный полый механизм из золота, костяного фарфора и живого света. В самом центре, там, где должен был висеть язык колокола, билось человеческое сердце из песенной магии. И внутри этого сердца, словно пойманная в янтарь, спала Мира. Не тело — душа. Такая ясная и такая недостижимая, что Лиоре захотелось разбить собственные кости о каменный пол, лишь бы дотянуться.

— Она не только один из источников, — глухо сказала Лиора. — Она и есть центр. — Да, — ответил Каэль. — Твоя сестра стала Сердцем Колокола. Поэтому храм не позволил ее душе перейти в мой мир. Они встроили ее в самую уязвимую точку механизма. Если разрушить Колокол грубой силой, она погибнет первой. — Значит, мы не можем... — Грубо — не можем. Но теперь я знаю, что именно нужно будет открыть песней.

Лиора развернулась к нему так резко, что волосы хлестнули по плечам. — Ты знал, что это может быть она? — Подозревал. Не был уверен. — И все равно вел меня через весь этот ад, не сказав, что моя сестра может быть не только пленницей, а замком? — Если бы я сказал это раньше, ты попыталась бы уйти к Колоколу сразу. И погибла бы еще до столицы. — Может, это было бы мое право! — А мое — не допустить, чтобы тебя убили знанием, которым нельзя воспользоваться слишком рано.

Ссора вспыхнула мгновенно, словно ждала в воздухе давно. Лиора толкнула его в грудь — бессмысленно, но яростно. — Ты все решаешь так, будто у тебя монополия на боль. Будто если ты уже однажды пережил подобное, то имеешь право распоряжаться и моей утратой. — Я распоряжаюсь только временем! — рявкнул Каэль, и стены архива отозвались глубоким гулом. — Потому что времени у нас почти нет, а ты готова разорвать мир ради одного лица, если я

не удержу тебя от этого. — Это лицо — моя сестра. — Я знаю. И именно поэтому я все еще стою здесь и объясняю, а не сковываю тебя властью.

Эта фраза остановила ее сильнее крика. Лиора вдруг поняла, что он действительно не использует против нее ту власть, которой достаточно было бы одним приказом лишить ее движения. В этом было не великодушие, а выбор. Тем страшнее оказалось смотреть на золотую капсулу и знать, что выбора между любовью и миром им, возможно, все равно не избежать.

Она подошла к капсуле ближе, коснулась стекла и тихо сказала: — Мира, я тебя найду. Не как вещь и не как жертву. Я найду тебя так, чтобы ты сама смогла вернуться. Свет внутри чуть дрогнул, словно сестра услышала ее даже сквозь толщу магии. Каэль стоял за спиной молча. В этот миг Лиора почувствовала: дальше дорога уже не о том, сможет ли она доверять ему. Дальше дорога о том, выдержит ли их чувство правду о цене.

Глава 26. Сон Миры

Если бы у Миры остались обычные человеческие часы, она давно сошла бы с ума. Но внутри Колокола времени не было ни как движения солнца, ни как счета молитв. Оно существовало там в виде ударов, каждый из которых стирал часть границ и одновременно возвращал слишком много памяти. Она не чувствовала тела, зато чувствовала все чужие прикосновения к металлу. Когда богатая вдова в Аурелии клала ладонь на маленький храмовый колокольчик и просила вернуть мужа хоть на одну ночь, Мира слышала не слова, а саму форму желания. Когда жрец у алтаря пел о милосердии света, она ощущала, как в глубине механизма натягиваются невидимые жилы, сделанные из украденных душ. Иногда ей казалось, что она и есть весь этот звон. Иногда — что она еще помнит, как пахнет дрожжевое тесто у Нейма.

Другие души внутри машины сначала были для нее просто фоном — тяжестью, плачем, толчками чужой усталости. Постепенно она научилась различать их, как различают голоса сквозь стену. Королева Сарет дышала гордо даже в плену, будто корона все еще держала ей спину. Мальчик Терн шептал по ночам слова, которых не успел сказать миру. Писарь Иарас бесконечно повторял свое имя, чтобы оно не стерлось окончательно. Элса из Дома Утонувших Клятв долго не верила никому и не отзывалась на зов. Мира была самой молодой и самой живой из них, а потому связь с Верхним миром проходила через нее проще. Это и делало ее центром механизма.

Сначала она пыталась вырваться по-человечески. Кричала, звала Лиору, билась мыслью о золотые стенки сердца, требовала у любого бога, способного слышать, вернуть ей воздух, руки и пусть даже бедность Вейра вместе с вечно мокрыми простынями. Ничего не происходило. Тогда она сделала то, чему ее никто не учил: стала слушать. Не жрецов, не толпы, а саму машину. Колокол не был злом в простом смысле. Он был желанием, лишенным предела. Всем тем «еще немного», ради которого люди готовы переступить через конец другого. Именно это заставило Миру испугаться по-настоящему. Потому что она поняла: если Лиора придет за ней только с любовью, не увидев остального, Колокол сумеет использовать и эту любовь тоже.

Иногда сквозь золотую толщу до нее доносился голос сестры. Не слова — сначала только тембр, темная соль в нижних нотах, привычная жесткость дыхания перед важным звуком. От этого мира поднималась сладкая, почти невыносимая боль. Лиора была близко, а значит, жива. Лиора шла к ней, а значит, снова взвалит на себя невозможное. Мира знала старшую сестру лучше, чем сама Лиора часто знала себя. Знала, как та делает из заботы броню и из вины — ремесло. И потому больше всего на свете боялась не самой смерти, а того, что Лиора согласится на сделку, которая вырвет ее из Колокола, но разрушит все вокруг.

Однажды к ней пришло еще одно присутствие — тихое, древнее, не похожее ни на жрецов, ни на украденные души. Сначала Мира решила, что это сам Колокол заговорил новой ложью. Потом узнала в этом присутствии женщину. Не телом, не лицом, а манерой держать голос, будто тот был не даром, а клинком и молитвой одновременно. «Ты — ее младшая кровь», — сказала незнакомка без слов. «Значит, слышишь меня хотя бы потому, что я слишком долго жила в памяти того, кто идет за вами обеими». Мира догадалась не сразу, но когда догадалась, страх сменился странным, почти злым облегчением. Астарейя. Та самая древняя певица, имя которой не осталось в живых книгах и все же каким-то образом все еще касалось их судьбы.

Астарейя не утешала. Она объясняла. Говорила, что Колокол не умеет создавать жизнь, только задерживать переход, притворяясь чудом. Говорила, что каждая душа в его сердце — не источник силы, а доказательство того, что живые путают любовь с владением снова и снова. И главное — говорила о Каэле без благоговения, но с жестокой нежностью, словно видела его насквозь и любила именно за это. «Он придет», — сказала древняя тень. «Но если твоя сестра

дойдет до сердца машины с одной только яростью, она станет его продолжением. Ты должна услышать ее первой и напомнить, что быть любимой — не значит принадлежать». Эти слова Мира потом повторяла себе как заклинание, когда звон становился невыносимым.

Бывали и другие минуты — почти мирные. В редкие затишья она вспоминала дом. Как Лиора ворчит на сырые поленья. Как на подоконнике сушатся травы Рены. Как вкусно пахнет хлеб, когда надломить его горячим и посолить пальцами. Эти простые вещи держали ее лучше молитв. Они напоминали, что она не символ, не сердце машины, не прекрасная жертва для чужой истории. Она — Мира Арден из Вейра. Девушка, которая хотела когда-нибудь открыть двор, где живые покупают хлеб, а мертвых провожают без лжи. Чем крепче она держалась за это имя, тем хуже Колоколу удавалось растворить ее в общем звоне.

И однажды, когда над внешним миром прошел новый, особенно сильный удар, Мира вдруг услышала сквозь все слои золота голос Каэля. Не прямо, а через тот холодный порядок, который всегда сопровождал его власть. Он не звал ее по имени и не обещал спасения. Он просто коснулся сердца машины законом конца так точно, что на миг весь Колокол замолчал. В этой тишине Мира впервые смогла ответить Лиоре почти ясно: «Не спеши ломать. Сначала пойми, как мне выйти не вместо мира». Ответ дошел или нет, она не знала. Но после этого страх стал чуть менее слепым. Впервые с момента похищения у нее появилась не только надежда, но и задача.

Иногда Колокол открывал ей куски внешнего города. Тогда Мира видела не лица целиком, а фрагменты: мальчика на лестнице храма, женщину с кувшином, старика, который целует холодную ладонь давно умершей жены, вернувшейся на день. Эти сцены сначала причиняли ей такую боль, что хотелось исчезнуть быстрее. Потом стали закалять. Мира поняла: если сестра действительно дойдет до нее, она сама должна будет сказать самую трудную правду — что любовь не дает права превращать весь мир в задержанное прощание. Эта мысль выросла из нее быстрее любых лет. Когда следующий удар Колокола прошел по золотым стенкам, Мира уже не только выживала внутри него. Она готовилась выбирать.

Глава 27. Добровольный поцелуй

После Сердечного архива они долго шли по пустым коридорам без слов. Ни Нокт, ни его вечная ночь не могли вместить ту остроту, с которой Лиора ощущала теперь собственное сердце. Мира жила — и не жила. Была рядом — и бесконечно далеко. Надежда, еще недавно бывшая чистой и прямой, превратилась в сеть из боли, злости, страха и новой ответственности: спасти сестру теперь значило не разбить весь мир, пока вырываешь ее из центра механизма.

У дверей ее покоев Каэль остановился. — Я не прошу, чтобы ты простила меня сегодня, — сказал он. — И не стану говорить, что действовал идеально. Но все, что я делал, было ради шанса довести тебя до этого знания живой. — Лиора смотрела на него долго, пытаясь различить, где в его словах власть, а где усталость. В итоге нашла только правду, а правда редко бывает удобной.

— Я злюсь, — сказала она. — И, возможно, еще буду злиться. Но если ты сейчас уйдешь, мне станет только хуже. Каэль не двинулся. — Прикажи остаться. — Я не хочу, чтобы между нами хоть что-то делалось приказом. Тогда она подошла сама, взяла его за ладонь и завела в комнату. Это движение было простым и именно поэтому сильным: не сделка, не ритуал, не жертва. Выбор.

Они не бросились друг на друга, как делают любовники в дешевых песнях. Сначала просто стояли рядом в темной комнате, слушая, как Нокт дышит за стенами. Потом Лиора обняла его за шею, и он прижал ее к себе так крепко, будто именно сейчас мог наконец позволить себе уязвимость. — Я боюсь, — призналась она ему в горло. — Я тоже, — ответил Каэль. — Но страх больше не повод врать друг другу.

Поцелуй, который последовал за этими словами, был спокойнее ночи на террасе и от того глубже. В нем уже не было ни внезапности, ни борьбы за право хотеть. Только медленное, упрямое согласие остаться рядом еще на один шаг. Когда он отстранился, Лиора провела большим пальцем по его нижней губе и тихо спросила: — Если нам придется идти в столицу живых, ты сможешь быть рядом? — Не так, как здесь. Но ближе, чем ты думаешь. — Тогда иди со мной до самой границы. А дальше я понесу тебя в себе как песню.

Каэль склонил голову, будто принимая не просьбу, а клятву, и коснулся губами ее лба. Этот жест оказался нежнее любого обнажения. Лиора вдруг поняла, что именно в этом и таится настоящая опасность их любви: не в сексе, не в поцелуях, не в том, что один — король мертвых, а другая — живая певица. Опасность в том, как быстро рядом с ним она начала представлять себе будущее не только с возвращенной Мирой, но и с ним самим. А такие представления всегда требуют платы.

Ночью ей приснился колокол из света, и в его сердце спала сестра. Но рядом, на самом краю сна, стоял Каэль и не держал Лиору, а шел с ней. Утром это показалось ей самым ценным из возможных чудес: не обещание победы, а образ пути, который они выбирают добровольно.

На следующем собрании Девяти Судей Лиора уже стояла не как гостя, а как участница войны, которая вот-вот захлестнет оба мира. Четыре Венца вернулись. Три оставались у живых. Нокт дрожал от далекого звука Колокола. И все же теперь в груди Лиоры было не только горе. В ней жила новая, опасная, взрослая сила — знание, что любовь может не ослеплять, а делать точнее. Именно с этим знанием она собиралась идти дальше, даже если впереди их ждали ложь, двор Севериана и мир, который давно привык побеждать тех, у кого нет власти.

Так завершалась дорога через смерть. И начиналась гораздо более страшная дорога — обратно к живым.

Глава 28. Граница Пепла

После собрания Девяти Судей Нокт будто стал еще тише, чем обычно. Лиора шла рядом с Каэлем по длинной дороге из матового камня, и под их шагами не рождалось привычного эха. Серебряные имена над крышами Града Последних Имен медленно тускнели позади, а впереди поднималась арка, сложенная из темного базальта и пепельных костей. Ее называли Границей Пепла — местом, где смерть переставала быть домом и превращалась лишь в близкое дыхание за плечом. Чем ближе они подходили, тем чаще в воздухе проступали запахи Верхнего мира: влажная земля, остывшая зола, масло в лампах, горький дым от людских очагов. Лиоре казалось, будто сама жизнь стоит по другую сторону и ждет, чтобы снова ударить ее всей своей тяжестью.

У арки их уже ждала Истара. Она принесла плащ цвета выцветшего вина, гладкий дорожный сундук и тонкую цепочку с маленьким зеркальным медальоном. Ни одно ее движение не было лишним. Смерть в Нокте вообще не знала суеты, и от этого каждая мелочь выглядела как решение, принятое заранее. Истара подала Лиоре медальон и сказала: «Не открывайте его при солнце без нужды. Серебро любит отражать больше, чем лица». Только когда женщина ушла, Лиора поняла, что в холодном металле дрожит крошечная черная искра — кусочек силы Каэля, не похожий на обычную магию живых. Это была не вещь на память, а канал, по которому он сможет найти ее, если мир живых попытается захлопнуться слишком плотно.

— В Аурелии тебя будут звать Лианной Вэр, — сказал Каэль. — Вдова музыканта из южных приходов, приглашенная ко двору после смерти епископа Эвира. Бумаги уже ждут в караванном доме на северной дороге. Живые редко проверяют легенду, если в ней есть достаточно скорби и приличная печать.

— Ты говоришь так, будто обманывать их тебе не впервые, — ответила Лиора.

— Я говорю так, будто веками наблюдал, как они обманывают сами себя. Это большая разница.

Она остановилась перед самой аркой. Порог был отмечен линией темного пепла, который не рассеивал ни ветер, ни дыхание. За ним начиналась узкая тропа среди камней и чахлых трав, а над ней — тусклое небо Верхнего мира. После неизменной ночи Нокта оно казалось почти оскорбительно светлым. Лиора впервые по-настоящему осознала, что впереди нет ни Истары, ни судей, ни честной жесткости мертвых. Там будут люди, которые называют насилие милосердием, а похищение души — божественным промыслом. И все же именно туда надо было идти за Мирой.

— Сколько тебя будет рядом? — спросила она.

Каэль смотрел не на арку, а на нее. — Настолько, насколько позволят отражения. В зеркалах, в полированном металле, в черном стекле окон после заката. В чаше вина. В лезвии ножа. В глади воды. Не всегда телом. Почти никогда телом. Но ты не останешься одна.

Это обещание прозвучало опаснее любой клятвы. Лиора вспомнила террасу, Пустоту Тишины, Сердечный архив, его руку на ее талии и тот редкий страх в его голосе, который не принадлежал королю и потому запомнился сильнее. Она шагнула ближе. Между ними оставалось расстояние, которое еще можно было назвать благоразумием. Каэль сам сократил его только наполовину, оставив ей право на последний выбор. Эта бережность всегда ранила ее сильнее власти.

— Если я пойму, что Севериан может вернуть Миру без цены, которую называешь ты, я попробую, — тихо сказала она.

— Я знаю.

— И ты меня не остановишь?

— Остановлю, если это будет ложь, — ответил он. — Но не раньше, чем докажу тебе, что это ложь.

Вместо поцелуя он коснулся пальцами ее подбородка и провел большим пальцем по линии губ. Жест был кратким, почти аскетичным, но от него у Лиоры дрогнули колени сильнее, чем от долгих объятий. Она ненавидела, как быстро научилась распознавать его нежность даже в такой экономной форме. Пожалуй, именно это и означало любовь в ее самом опасном виде: не бурю, а точность.

Она перешагнула границу и сразу ощутила, как мир живых навалился на нее всем своим несовершенством. Сердце ударило тяжелее. Ветер стал грубее. Кожа вспомнила тепло, а вместе с ним — страх боли, голода, усталости, времени. Обернувшись, Лиора увидела Каэля уже по ту сторону арки. Его фигура расплывалась, как тень в воде, но взгляд оставался невыносимо ясным. Он ничего не сказал. Только поднял руку — не в прощании, а в знаке, который обещал продолжение. И Лиора поняла, что идет не от него, а вместе с ним, просто теперь между ними лежит целый мир.

Глава 29. Город Солнца

Аурелия встретила ее не торжеством, а запахом горячего камня и дорогих благовоний. Столица Империи, которой в провинциях восхищались как воплощением божественного порядка, оказалась городом ослепительных фасадов и слишком чистых улиц. Белый мрамор дворцов сиял так ярко, будто сам свет здесь был частью придворной дисциплины. На площадях играли дети в золотых лентах, у фонтанов стояли жрецы в одеяниях цвета меда, а над всем этим висели бронзовые колокола — уменьшенные копии великого Солнечного Колокола, которыми украшали храмы, рынки и даже дома богатых горожан. Смерть в Аурелии не отрицали; ее превращали в управляемое зрелище.

В караванном доме на северной дороге ее действительно ждали. Старик-писец, не глядя ей в глаза, передал свиток с печатями, кольцо с гербом епископа Эвира и письмо о приглашении ко двору. Он дрожал так, будто знал, от кого пришла эта услуга, но не смел назвать источник. Когда Лиора спросила его имя, он лишь вытер ладони о передник и сказал: «Здесь имена лучше не собирать. Особенно чужие». После этого она еще острее почувствовала, что мир живых умеет бояться не хуже Нокта, просто прячет свой страх под шелком и благочестием.

В доме придворных музыкантов ее поселили на верхнем этаже, откуда открывался вид на центральную часть города и золотой купол дворца. По вечерам этот купол отражал закат так ярко, что казалось, будто над столицей повисло второе солнце. Лиора стояла у окна, разглядывая лабиринт улиц, и невольно искала глазами места, где могла бы укрыться правда: тень между храмом и казармой, старые камни у подножия дворцовой стены, подземные ходы для слуг, складские арки, где говорят шепотом. Аурелия выглядела городом, в котором ложь давно стала архитектурой.

В первый же вечер ей пришлось петь в малой часовне для вдов полководцев. Их лица были спокойны и правильны, но под дорогими вуалями Лиора слышала ту же боль, что и у женщин в бедных прибрежных кварталах Вейра. Разница была лишь в том, что богатые могли украсить утрату. Когда она потянула первую ноту, одна из вдов резко подняла голову и прошептала имя умершего мужа так, будто он стоял рядом. На миг Лиора увидела за плечом женщины слабый мужской силуэт. Он не был призраком в полном смысле — скорее, остатком неотпущенного ожидания. Значит, система Севериана уже и здесь держала умерших слишком близко к живым.

После службы к ней подошел смотритель хора, сухощавый мужчина с лицом, похожим на аккуратно сложенное письмо. Он представился мастером Реом и без особого уважения оглядел ее с головы до ног. — Слышал, вы умеете петь так, будто голос знает больше текста, чем вы сами. Во дворце такое ценят. Но ценят и послушание. Особенно его. Завтра вас вызовут на прослушивание для регента. Постарайтесь не быть слишком живой, госпожа Вэр. Двор любит траур, а не характер.

Лиора едва удержалась от улыбки. «Слишком живой» звучало как лучший комплимент, который ей могли сделать в столице, где даже скорбь ходила выученным шагом. Ночью, прежде чем лечь, она достала зеркальный медальон. В его глубине долго не возникало ничего, кроме ее собственного лица, осунувшегося от дороги. Потом тьма за стеклом густо собралась в знакомые очертания. Каэль молчал, но этого молчания хватило, чтобы комната перестала быть чужой. — Я уже ненавижу этот город, — призналась Лиора. — Хорошо, — ответил он после короткой паузы. — Только не позволяй ненависти сделать тебя слепой. Самые опасные места всегда сначала кажутся просто отвратительными. А потом начинают нравиться тем, как ловко объясняют твою боль.

Глава 30. Рынок светлых масок

На четвертый день в Аурелии Лиора поняла, что столица умеет носить чужое горе так же изящно, как богатые женщины носят траурный шелк. Мастер Рео отправил ее за нотными листами в южную часть города, и это оказалось почти подарком. Двор душил ее слишком правильными коридорами. Рынок, наоборот, жил настоящей жизнью: торговцы спорили о цене, ремесленники ругались с налоговыми писцами, дети таскали засахаренные орехи, пока матери отворачивались. Но поверх всего этого лежал новый слой — солнечные маски, которые продавали в десятках лавок. Белые, золотые, серебряные, детские, женские, торжественные, траурные. Их покупали и бедные, и богатые, потому что сейчас вся столица играла в одно: в добровольную близость к чуду.

В лавке масочника она задержалась дольше, чем требовалось. Старик в красивом фартуке объяснил, что мода пошла после первых слухов о возвращенных. Люди начали верить, будто свет узнает их лучше, если лицо будет похоже на священный образ. «Глупость, конечно, — сказал он, примеряя мальчику узкую золотую маску с лучами. — Но на глупости столиц стоит половина торговли». Его дочь, бледная женщина с обожженными пальцами, возразила шепотом: «Не только торговли. Надежды тоже». И в ее голосе было что-то такое, что Лиора присмотрелась внимательнее. На прилавке рядом с красками лежал детский чепчик, слишком маленький, чтобы принадлежать кому-то из живых детей в доме.

Женщину звали Талия. Уже через несколько минут разговора выяснилось, что она потеряла сына прошлой зимой и с тех пор каждый вечер ходит к малому храму, где жрецы обещают скорое смягчение закона смерти. Талия не выглядела безумной. Она просто была истощена ожиданием. «Если мне дадут хотя бы один день, — сказала она, пакуя ноты в вощеную бумагу, — я не попрошу большего. Только один. Чтобы он поел горячего, чтобы я заплела ему волосы, чтобы отец увидел, как он смеется. Разве это так много?» Лиора знала правильный ответ. Правильным был бы тот, который позже дала бы Милость Нокта: много не само желание, много цена, которую человек согласен не заметить ради него. Но смотреть в лицо матери и отвечать ей королевской философией было невозможно.

На площади перед рынком в этот же день жрецы провели малое возвращение. Толпа собралась мгновенно. На высокую белую платформу вывели мужчину средних лет, уже посившего от давней утопленнической смерти. Его вдова плакала так истово, что люди вокруг заранее сочувствовали чуду. Жрецы пели, над платформой звонил маленький колокол, и утопленник действительно открыл глаза. Толпа ахнула. Женщина бросилась к нему. Он несколько секунд смотрел на нее с мучительным усилием, будто вспоминал не лицо, а сам способ быть человеком. Потом его вырвало черной водой прямо ей под ноги. Еще через миг он закричал не от радости, а от боли, потому что легкие помнили смерть лучше, чем тело — жизнь. Жрецы объявили это естественной мукой перехода. Толпа, колеблясь, решила поверить. Только вдова осела на колени и впервые посмотрела не на чудо, а на человека, которого ей вернули в агонии.

Лиора ушла с площади дрожа. В узком медном подносе на лотке с орехами она заметила отражение Каэля. Он был совсем рядом, почти по-человечески близко, и выражение его лица было не гневом, а тем смертельным спокойствием, которое приходит перед приговором. «Ты видишь?» — сказал он без движения губ. «Они учат людей путать последнюю муку с милостью». Лиора в ответ мысленно спросила, сколько таких чудес уже произошло. «Достаточно, чтобы город захотел большего», — ответило отражение. И исчезло, когда торговка наклонила поднос.

На обратном пути Талия догнала ее у колодца и сунула в руки маленькую свечу с солнечным знаком. «Для комнаты», — сказала она. «Господин регент хорошо относится к певицам, которые умеют говорить с концом без грубости. Может, если он услышит ваш голос, он и мне

даст день». Лиора взяла свечу, потому что отказ выглядел бы подозрительно. Но всю дорогу до дворца держала ее как яд. В Аурелии даже надежду заворачивали в подарок, чтобы не было видно лезвия.

Когда она уже возвращалась во дворец, увидела у боковой улочки мальчика лет восьми. Тот сидел на пороге и гладил по голове собаку, умершую, кажется, еще утром, но почему-то не остывшую до конца. Мальчик шептал ей в ухо, чтобы она не уходила, а собака время от времени скидывала мутные глаза и снова замирала. Лиора не подошла. Она знала, что любая помощь выдаст в ней больше, чем должно. Но всю дорогу до дворца думала о том, как легко великая идея победы над смертью превращается в маленькую, повседневную пытку для тех, кто слишком любит и слишком беден, чтобы позволить себе правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.